

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Вкус

ледяного поцелуя

Три женщины убиты одна за одной, и все в примерочной кабинке универмага. Ох, как не хотелось Ольге Рязанцевой, референту городской администрации, влезать в это дело, но пришлось.

Татьяна Викторовна Полякова
Вкус ледяного поцелуя
Серия «Ольга Рязанцева», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119797
Вкус ледяного поцелуя: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-07611-5*

Аннотация

Три женщины убиты одна за одной – и все в примерочной кабинке универмага. Ох, как не хотелось Ольге Рязанцевой, референту городской администрации, влезать в это дело, но пришлось. А тут еще два трупа, на этот раз – мужчины. Причем этих убрали в весьма пикантной ситуации. Ольгу, что называется, заело, она решила найти убийцу во что бы то ни стало. Как раз кстати в городе появился и человек, в честь которого Ольга назвала свою любимую таксу Сашкой. Очень опасный парень, специалист по трудноразрешимым проблемам. Но сейчас, кажется, он не на Ольгиной стороне, уж больно взгляд у него колючий и поцелуй ледяной...

Содержание

Татьяна Полякова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Татьяна Полякова

Вкус ледяного поцелуя

В то утро мир выглядел особенно скверно. Стеная и охая, я выбралась на балкон с бутылкой минеральной в руке, взглянула на парк напротив, перевела взгляд на улицу и не без удовольствия констатировала:

– Ничего интересного здесь нет. – Глотнула из бутылки и закашлялась – минералка оказалась чересчур холодной.

На балконе появилась такса по имени Сашка. Пес укоризненно взглянул на меня и вроде бы даже покачал головой.

– Не смей меня воспитывать, – на всякий случай предупредила его я, – все равно слушать не буду. – Пес повернулся и ушел на кухню. – Вот и правильно, – сказала я вдогонку, выпила еще водички и пошла вслед за ним.

Сашка торопливо покинул кухню, значит, обиделся. Я вздохнула, оглядываясь, надо признать: редкий свинарник. Оставила на столе бутылку и побрела в ванную. Через полчаса мир уже не вызывал стойкого отвращения, в нем даже наметилось кое-что не лишенное приятности, к примеру, кофе. Я выпила чашку, закрыла глаза и попробовала вспомнить, какой сегодня день недели. Вторник или среда? Среда.

Тут зазвонил телефон, и меня перекосило от отвращения. Если это Дед, мой старый друг и работодатель, то лучше пой-

ти и удавиться. Но, к счастью, это был Борька. Голос его звучал хрипло, слова он произносил с трудом, что в общем-то понятно, раз накануне мы пили вместе.

– Ты как? – спросил он с душевной мукой.

– Уже лучше.

– А мне чего-то совсем хреново.

– Пить надо меньше, – философски заметила я.

– Ага. Или больше. Ни то ни се – хуже всего. Я чего звоню-то... Вчера малость пошумели, а сегодня на полутрезвую голову... Слушай, у тебя неприятностей не будет?

– У меня их и так полно. Одной больше, одной меньше...

– Детка, эта рыжая шмара, что в ментовке выживалась, по-моему, журналистка. Вроде я ее уже где-то видел.

– Ну, видел и видел, – вздохнула я.

– Может, куда позвонишь на всякий случай?

– Обойдется, – отмахнулась я.

– Но...

– Угомонись ты, – перебила я, – башка болит, не загружай.

– Ну, как знаешь, – вроде бы обрадовался Борька и отключился.

А я попыталась восстановить в памяти события прошедшей ночи. События гроша ломаного не стоили, но удивительно, что они меня очень даже разозлили и я с горя напилась прямо-таки до безобразия.

– Надо завязывать, – мученически сказала я, особенно не веря самой себе, потом бодро поднялась, оделась и крикнула

Сашке: – Хорошо дуться, идем гулять.

Сашка не торопясь пошел к двери, время от времени поглядывал на меня, проверяя, иду ли сзади, и тяжело вздыхал, опустив голову.

– Да ладно тебе, – буркнула я, запирая дверь. – Ну, напилась, с кем не бывает? Вчера мое чувство справедливости было поругано. Я ж тебе рассказывала. Зато мы долго гуляли, с этим ты спорить не можешь. А то, что я пела песни и взобралась на грибок на детской площадке, вовсе чепуха, у человека хорошее настроение, я вспомнила детство и все такое...

Пес вновь укоризненно взглянул на меня, держался он подчеркнуто в стороне, предпочитая не приближаться ко мне, в общем, делал вид, что он не со мной. Это показалось мне обидным. Я вошла в парк и бухнулась на первую же скамейку. Ночью шел дождь, блестели лужи, ветерок гнал листву по дорожкам. Обхватив себя руками под мышки, я сидела нахохлившись и пялясь в пустоту.

Сашка подошел, потерся о мои ноги и с грустью заглянул мне в глаза. А я подмигнула.

– Ничего, как-нибудь... – сказала я со вздохом, и мы пошли бродить по аллеям.

Сашка любит гулять, а я терпеть не могу свою квартиру. Никаких дел себе придумать я не смогла, к тому же на свежем воздухе чувствовала себя не в пример лучше, нежели на прокуренной кухне. В общем, мы гуляли часа два. Я за-

метно взбодрилась, простила миру его упорное нежелание выглядеть привлекательнее и даже почувствовала легкий голод, хотя обычно я не в состоянии запихнуть в себя что-либо, кроме кофе, часов эдак до двух.

– Потопали домой, – позвала я Сашку.

Он, видно, тоже проголодался, потому что без возражений направился к дому.

Мы позавтракали, я вытянула ноги и положила их на соседнее кресло с намерением вздремнуть, и тут вновь ожил телефон.

Риткин голос звучал точно на моих похоронах.

– Ну что ты вытворяешь? – с душевной мукой спросила она. – Дед просто... я его таким еще не видела. Поторопись. И придумай что-нибудь жалостливое в свое оправдание.

– Уже настучали? – огрызнулась я. – Ритка, а может, ты ему скажешь, что не нашла меня? Мобильный не отвечает и все такое...

– Нет уж, двигай в контору. И постарайся выглядеть прилично.

– Это трудно, – пожаловалась я, повесила трубку, скроила Сашке рожу и вздохнула. – Придется ехать. Давай со мной. Порядочный человек при собаке орать не будет, как считаешь? – Тут я углубилась в размышления на тему, можно ли считать Деда порядочным человеком, и слегка увлеклась, затем перевела взгляд на часы и кинулась собираться.

Обычно зеркало в такие тяжелые времена я игнорирую,

но Ритка советовала выглядеть прилично, и я без удовольствия в него заглянула. На меня взирала опухшая физиономия, синяк на левой скуле невероятно украл ее.

– А это, блин, откуда? – скривилась я, похмельная рожа скривилась в ответ. – Да, красота – это страшная сила, – вынуждена была признать я. – И чем дальше, тем страшнее.

Я достала косметичку и попыталась вернуть себе былую привлекательность, но минут через пять махнула рукой и зашвырнула косметичку в ящик. Сашка устроился в сумке и оттуда настороженно поглядывал на меня.

– Потопали, – кивнула я, подхватила сумку и пошла в гараж.

Новенький «Ситроен», подарок Деда на очередной день рождения, радовал глаз. Сашка удовлетворенно тьякнул, машина ему нравилась.

– Что, пес, – подмигнула я, поставив сумку на сиденье рядом, – жить – хорошо, а хорошо жить, как известно, еще лучше.

Уже поднимаясь по лестнице к центральному входу, я поняла, что совершила целый ряд стратегических ошибок. Первая: на мне джинсы, Дед терпеть не мог баб в джинсах, это знали все, и с моей стороны прийти в таком виде – значит проявить неуважение. Вторая: кроссовки на мне грязные (на фоне красного ковра в фойе не просто грязные, а безобразно грязные), а Дед ненавидел грязную обувь. Добавьте

похмельную рожу и Сашку в сумке. Я глухо застонала, но упорно двигалась дальше, из упрямства, а может, из-за тайного желания досадить Деду. Отношения у нас, прямо скажем, непростые.

Ритка, увидев меня, страдальчески закатила глаза.

– Да ты с ума сошла. Ты себя в зеркале видела?

– Не-а. На хрена мне себя расстраивать?

Приемная была пуста, и я устроилась в кресле рядом с Риткой.

– Один? – кивнула я в сторону заветной двери.

– Да. Освободится, позовет. Между прочим, я тебя просила... – укоризненно начала она, но я перебила:

– Да не зуди ты, и так тошно.

– Тошно, – передразнила Ритка.

– Кто настучал? – вздохнула я. Ритка подняла брови, вроде бы удивляясь моей дурусти, после чего подала мне газету. Первую страницу украшала моя физиономия. – Фотография могла быть и получше, – хмыкнула я, но смеяться мне совсем не хотелось. Статейка была озаглавлена «Распоясавшиеся слуги народа», и в ней мне досталось по полной программе, припомнили даже то, что я и сама забыла. – Вот у людей память, – покачала я головой.

– И чего тут смешного? – нахмурилась Ритка.

– А я и не смеюсь. Оперативно сработали. Умеют, когда хотят. Дай закурить.

– Ты же знаешь...

– Дай закурить. Хуже уже не будет.

Ритка протянула мне пачку сигарет и придвинула пепельницу.

– Ты что, в самом деле... – начала она, но под моим взглядом лишь покачала головой и отвернулась.

Я успела докурить сигарету и еще раз пробежать глазами статью, когда услышала по переговорному устройству голос Деда.

– Рита, она пришла? – спросил он сурово.

– Да, Игорь Николаевич, – пискнула Ритка.

– Пусть зайдет.

– Очень тебя прошу... – начала было Ритка, но я махнула рукой и вошла в кабинет.

Дед, как всегда, готовясь к неприятному разговору, таращился в окно. Он стоял, сунув руки в карманы брюк, и даже не повернулся, услышав, как хлопнула дверь. Я его знала слишком хорошо и по напряженной спине, по тому, как, набычившись, он смотрит вдаль, ничего не видя, поняла: он, что называется, в бешенстве.

– Привет, – сказала я, поставила сумку с Сашкой на пол, а сама устроилась в кресле, робко так, на самом краешке, очень надеясь, что выгляжу вполне сиротливо.

– Газету видела? – спросил он, не поворачиваясь.

– Ага. Ритка показала.

– Ну и что скажешь?

– А чего тут скажешь, чистой воды подстава. И менты в

нужном месте в нужное время, и журналистка весьма кстати с фотографом на пару, и это в два часа ночи. А утречком эта хрень уже в газете... Позудят немного и угомонятся. – Я разглядывала свои ногти, пользуясь тем, что Дед меня не видит. Тут он повернулся, а я приняла покаянный вид, взглянула на грязные кроссовки и поморщилась, но тут, как говорится, ничего не поделаешь.

– Значит, подстава? – спросил Дед печально, а мне вдруг ни с того ни с сего стало его жалко. Так иногда бывает, и я знать не знаю, что с этим делать.

Я молча кивнула, напустив в глаза тихой грусти, и даже вздохнула, Сашка, кстати, тоже вздохнул, должно быть, переживал из-за меня.

– Ага, – зловеще кивнул Дед. – Значит, ты не садилась за руль в пьяном виде, не была остановлена сотрудником ГАИ, не оказывала сопротивления, не была доставлена в отделение и не разбила там окно, запустив в него стулом. Что ты еще не сделала? – Я воззрилась на потолок, внезапно решив, что он чем-то необычайно мне интересен. – Прекрати паясничать! – рявкнул Дед, но особого впечатления на меня это не произвело, я знала его двадцать с небольшим лет, сначала он заменял мне отца, потом стал любовником, теперь он мой работодатель. Мне было известно доподлинно: когда он рычит, это ничего, это можно пережить, куда хуже лютное молчание.

Дед сгреб газету со стола и сунул ее мне под нос, как будто

я ее не видела.

– У тебя мозги есть? Хоть какие-нибудь? Ты знаешь, как для меня важно... особенно сейчас... переломный момент... – Далее было совсем не интересно.

Конечно, я знала. Год назад в тяжелой борьбе Дед занял это кресло и намеревался в нем состариться и, подозреваю, умереть на боевом посту, как генсеки в старые добрые времена. Последние пару месяцев он болезненно относился к малейшей критике, в общем-то, он ее никогда не любил, а теперь зеленел лицом, лишь только какой-нибудь придурок позволял себе твякнуть вдогонку. Впрочем, придурков было не так много, и волноваться ему, по большому счету, не стоило.

Именно это я и попыталась донести до его сознания, интеллигентно и толково. Но он не внял.

– Ты обязана думать о моем честном имени, – взвился он и, судя по физиономии, именно так и думал, я имею в виду честное имя. Признаться, это меня озадачило. Перед журналистами, любимым электоратом и еще черт знает перед кем мог бы сколько угодно выеживаться, но я-то знаю его как облупленного.

«Он заигрался, – решила я с сожалением. – Сам себе верит. Ей-богу, верит», – тяжело вздохнула и сказала:

– Извини.

– Извини? – Его могучая грудь тяжело вздымалась, глаза сверкали, правда, с рева он перешел на зловеший шепот, что

тоже не очень хорошо, но от шепота хоть уши не закладывает. – Это все, что ты можешь мне сказать? Да ты хоть понимаешь... – Он вновь повысил голос, а я неожиданно для себя сказала:

– Пошел ты к черту. – И почувствовала облегчение: именно это мне уже давно хотелось сказать.

Дед замер с приоткрытым ртом, дернул седой головой, а потом сцепил челюсти так, что его зубы просто обязаны были раскрошиться.

Я поднялась и направилась к двери, решив, что самое время убраться восвояси. Ближе к вечеру Дед придет в себя, и мы славненько порыдаем на груди друг друга, простим обоюдные грехи и заживем по-прежнему – ладненько и складненько.

В два шага он догнал меня, схватил за плечо и с размаха влепил пощечину. Сашка отчаянно завизжал и, выскочив из сумки, попробовал ухватить обидчика за ногу.

– Здорово, – присвистнула я, как только смогла прийти в себя. Дед стоял бледный до синевы, гнев в его глазах уже потух, теперь в них осталась одна растерянность. Должно быть, он был потрясен не меньше меня.

Сказать по чести, не ожидала я от старого друга такой прыти. Еще минуту назад могла бы руку на отсечение предложить, что он никогда, ни при каких обстоятельствах... и так далее, а вот гляди ты... в этом мире все меняется, и с руками следует быть поосторожнее во всех смыслах.

Сашка все еще метался возле его ног. Я было испугалась, как бы Дед в сердцах не пнул звереныша, но он, похоже, во все ничего вокруг не замечал. Подхватив Сашку на руки, я вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

– Ну что? – спросила Ритка испуганно.

– Дай листок бумаги и авторучку.

– Зачем?

– Дай! – рыкнула я.

Ритка испуганно пододвинула бумагу и ручку, но все-таки спросила, потому что по природе была чудовищно любопытной:

– Что это рожа у тебя такая багровая?

– Допекут, пойдешь пятнами.

– А почему только с одной стороны?

– Не сбивай с мыслей, – попросила я, а она заревела:

– Он что, тебя ударил? Не может быть... Из-за паршивой статейки?

Я размашисто вывела на листке: «Прошу освободить меня от всех прав и обязанностей. С любовью и благодарностью», – расписалась и поставила число.

– Привет, – кивнула я Ритке, – и в ближайшие три дня не вздумай мне звонить.

На сей раз дверью я не хлопала, прикрыла ее осторожно и огляделась: по коридору сновали люди, и всем было до меня дело. Одни улыбались, другие взирали серьезно, но обходили стороной, точно я покинула не кабинет Деда, а тифозный

барак.

– Вот уроды, – сказала я Сашке, и он согласно кивнул.

Пес все еще дрожал от возбуждения, и я, признаться, тоже, оттого и направилась в бар на втором этаже. Горячительных напитков здесь не подавали, но мне сейчас и стакан воды пойдет на пользу.

В баре человек пять пили кофе. При моем появлении все разом повернулись, затем, точно по сигналу, отвели взгляд. Я подошла к стойке, взгромоздилась на высокий табурет, пристроив Сашку рядом. В сумке ему не сиделось, пришлось шикнуть, он затих, а бармен взглянул осуждающе. Здоровый парень с румяной рожей, в белоснежной рубашке и франтоватой бабочке. Наверняка с чувством самоуважения. Поди, друзьям рассказывает, как с местной властью каждый день запросто... прислушивается к разговорам, в душе всех презирает и боится... Хороший парень. Очень захотелось поскандалить, но я напредила себе, что являюсь доверенным лицом Деда, то есть являлась, даже не доверенным лицом, черт, как же это звучит... ах, ну да, помощник по связям с общественностью. Я в каком-то смысле его лицо, тут он прав, а скандалить этому лицу ни к чему.

– Налей водки, – вежливо попросила я.

– Не держим, – торопливо ответил бармен и даже не без испуга шарахнулся от меня.

– Да брось, – сказала я с улыбкой. – Вот в том шкафчике всегда стоит бутылка, давай шевелись...

– Вы же знаете правило, – ответил он гневно, а я заорала:

– Да пошел ты, урод! – За моей спиной задвигались стулья, кто-то хлопнул дверью, я ухватила парня за белоснежную рубашку и гаркнула: – Ты что, оглох, придурок?

– Меня же уволят, – побелевшими губами шепнул он, я отпустила рубашку и похлопала его по груди.

– Извини, нервы ни к черту. Тяжелый день. Прошу прощения, господа, – раскланялась я, радуясь, что доставила людям удовольствие, и поспешно покинула бар.

В коридоре меня догнал парень из охраны.

– Ольга Сергеевна, – сказал он вежливо, – Лев Иванович просил вас зайти.

– Времени нет, – хмыкнула я.

– Дело срочное.

– Сожалею, – перебила я весело, – я здесь больше не работаю.

Новую жизнь я решила начать с уборки квартиры. Ходко сновала с пылесосом, даже заглянула в комнаты на верхнем этаже, чего не делала по меньшей мере пару месяцев, Сашка путался под ногами, поглупев от удивления. Выдохлась я быстро и спустилась на кухню, с тоской взглянула на пустую бутылку из-под мартини. В шкафчике был коньяк для гостей, сама я его не жаловала, но на безрыбье, как известно, и рак рыба. Я плеснула в стакан, и тут хлопнула дверь, на кухне появился Дед в плаще нараспашку, брови сурово

сдвинуты, взгляд тяжелый, выражение лица не прочитывается, не лицо, а булыжник. Взглянув на бутылку и стакан, я развела руками и усмехнулась: не мой день.

– Если думаешь, что я извиняться... – начал он, а я хихикнула:

– Даже не мечтаю.

Он подошел, отобрал бутылку, стакан швырнул в мойку.

– Надо бы снять с тебя штаны и всыпать как следует, – заявил он зло, – чтоб ты неделю на задницу не могла сесть.

– Катись отсюда, – предложила я. – Я на тебя больше не работаю.

Он запустил в стену бутылку. Я этого не ожидала и испуганно пригнулась, а он схватил меня за шиворот и больно ткнул лицом в стол. Сашка отчаянно завизжал, а я попросила:

– Отпусти, чего собаку пугаешь.

Он отпустил меня, устало повалился в кресло, потер лицо ладонями. Теперь стало видно, что он смертельно устал, круги под глазами, тяжелые складки возле губ, лоб перерезали морщины.

Было время, когда я любила его. Очень. Наверное, и сейчас люблю, не зря сердце колотится, так что того гляди выскочит, а душу щемит острая жалость. К нему или к себе, поди разберись.

Я присела перед ним на корточки и уткнулась лицом в его колени.

– Что ты делаешь со своей жизнью? – тихо спросил он. У меня разом заныли все зубы. Чего я совсем не выношу, так это разговоров по душам, особенно если сказать друг другу нечего. – Ты еще совсем девчонка, – продолжил он со вздохом, точно это обстоятельство сильно его печалило, – а посмотри, на кого похожа? Таскаешься по кабакам в компании каких-то дегенератов, с этой нелепой таксой... Скалишь зубы и радуешься своим дурацким шуткам.

– Иногда у меня неплохо получается. Один тип сказал, что у меня есть чувство юмора.

– Он дурак.

– Ясно.

– Кому и что ты хочешь доказать? А?

– Ладно, прости, – попросила я покаянно. Он взглянул мне в глаза, я тяжело вздохнула и поспешно отвела взгляд. – Будем считать, что поговорили. – Я поднялась и сделала шаг в сторону, он схватил меня за руку.

– Что с тобой происходит? Что? Да поговори ты со мной, черт тебя дери... – Он даже голоса не повысил, но лучше бы заорал. В его словах была боль, настоящая, такое не сыграешь, хотя Дед, конечно, мастер. Я потерла нос и решила его озадачить.

– Вот ты умный, – сказала я печально. – Скажи, зачем все это? Я, ты... вообще все?

– У тебя что, переходный возраст? – нахмурился он. – Что ты дурака валяешь?

– Я не дурака валяю, я смысла не вижу. Ни в чем.

– Какой, к черту, смысл? Ну-ка, иди сюда. – Я сделала два шага и уперлась ногами в его колени, и мы некоторое время пялились друг на друга без всякой пользы, потом он встал, обнял меня и убежденно сказал: – Я искалечил твою жизнь. Я во всем виноват. Если бы не я...

– Лучше еще раз врежь, – пресекла я его попытки запудрить мне мозги, – только чепуху не болтай. При чем здесь ты? У меня скверный характер, все мои неприятности из-за этого. Насчет смысла жизни я загнула, чтоб позлить тебя. Больше не буду, честно. Снимай плащ, я тебя чаем напою. У меня есть варенье, черничное. Ты же любишь...

– Детка, – позвал он. Не помню, чтоб он звал меня иначе, впрочем, он всех своих баб так зовет, чтоб не путаться, – у меня, кроме тебя, никого нет. И никогда не было. Ты знаешь. Если б я мог... если б я только мог все вернуть... я бы никогда... Я тебя слишком любил, до одури. Проще было убить, чем отдать другому. Если б не сглупил тогда, катал бы на спине твоих детей и радовался своему счастью, а теперь смотрю, как ты вгоняешь себя в гроб, и ничего не могу сделать. Такое и врагу не пожелаешь.

Он меня растрогал, я даже заревела, что уже давно за мной не водилось, уткнулась в его грудь и рыдала, а он гладил меня по спине, и в глазах его стояли слезы, самые что ни на есть настоящие. Конечно, он меня переиграл, он всегда все делал мастерски. Я знала, что верить его словам и его

слезам так же глупо, как надеяться увидеть прошлогодний снег, но не поверить не могла. Тут уж, как говорится, ничего не поделаешь. Любопытно, вот сейчас, когда он гладит мою спину, о чем он думает? Неужто вправду обо мне? Или все-таки о делах? Мы сливаемся в объятьях, и мысли входят в привычную колею? А может, зря я так, может, он действительно что-то чувствует, не он притворщик, а я слишком цинична? Ну вот, дошла до самобичевания... Он выпустил меня из объятий, снял плащ, как-то заискивающе улыбнулся:

– Давай, пои чаем.

Хлопоча по хозяйству, я между делом выглянула в окно. Машина Деда отсутствовала. Выходит, он отпустил шофера? Впрочем, ничто не мешает ему в любое время вызвать свою машину. А если он собрался задержаться, в том смысле, что остаться на пару-тройку часов? По негласному уговору такого давно не случалось, после того, как человек, за которого я собиралась замуж, скоропостижно скончался. Идея моего замужества не пришлась по душе моему другу. «Отцу родному, – фыркнула я мысленно, конечно. – Впрочем, тут я перегнула палку, если покопаться в нашей истории, то вышло, что это я соблазнила лучшего друга моего отца, а он пошел у меня на поводу, точно баран на закланье. И ничего хорошего из этого не вышло».

– Что? – спросил Дед, а я сообразила, что последнюю фразу произнесла вслух. Со мной такое бывает, ни с того ни с сего начинаю болтать сама с собой или хихикать. В общем, ре-

альные глюки. Человеку вроде меня не стоит жить в огромной квартире в трех уровнях. Здесь даже такса способна заблудиться, а что уж про меня говорить?

– Кажется, будет дождь, – бодро сообщила я Деду.

– Этот Борька, кто он? – спросил мой старший друг, поспешно отводя взгляд. Ревновать он считал недостойным себя, раз уж предполагалось, что мое счастье для него на первом месте, а собственное плетется где-то в хвосте.

– Хороший парень, – пожала я плечами.

– Давно ты с ним?

– Давно я с ним что? – хмыкнула я, сложив руки на груди.

Обожаю такие вопросы.

– Ну... что-то вас связывает?

Вот это я называю страусиными играми. Теперь будет ходить вокруг да около, мастер иносказаний. Конечно, я тоже поднаторела в этом виде спорта, рядом с великими людьми грех не научиться. Но сейчас настроение у меня было не то, оттого я ответила просто:

– Он женат. Довольно глупо заводить с ним роман, как считаешь? – Голову из песка пришлось извлечь. Не знаю, как к этому относится страус, а вот Дед без удовольствия.

– Значит, вы просто пьянствуете на пару? – хмуро спросил он. Поделом мне, надо принимать его правила, а не лезть со своими.

– Да не пью я, – буркнула я с постной миной. – То есть, бывает, выпью, конечно. Иногда даже напьюсь, как вчера, на-

пример. Но пить – это совсем другое.

Дед выжидающе смотрел на меня. Я подняла глаза, и взгляды наши встретились, мой молил о прощении и еще намекал на легкую обиду, то бишь недоверие. Дед прикидывал, как ему поступить: сделать вид, что поверил, или не сделать. Короткая схватка закончилась победой здравого смысла, он обнял меня, привлек к себе и горячо зашептал:

– Я люблю тебя.

Только-только я вздохнула с облегчением, что все наконец закончилось, как Дед запечатлел на моих губах поцелуй, который при всем желании отеческим никак не назовешь. Признаться, я малость прибалдела, в том смысле, что растерялась. Пока я пыталась сообразить, что следует предпринять в такой непростой ситуации, Дед увлеченно продолжил. Я мысленно махнула рукой, отчего же не порадовать человека, да и себя заодно. В конце концов, для того и соглашение, чтобы было что нарушать. Я ответила на поцелуй, после чего нам оставалась одна дорога – в мою спальню. Туда мы и отправились.

Через некоторое время я могла с чувством удовлетворения констатировать: Дед, несмотря на возраст (а ему около шестидесяти), все еще в прекрасной форме, чего о себе сказать я не могу. Ленива, да и фантазия так, на троечку. Чувства тоже куда-то запропастились. Было странно лежать рядом с ним в постели и ничего в общем-то не испытывать.

Утром я вскочила пораньше и кинулась готовить завтрак,

чтобы продемонстрировать свою любовь и заботу. Я была уверена, что нравоучений больше не последует, так же как и вопросов с пристрастием. Но Дед лишил меня всех иллюзий. За кофе, сидя напротив, он заявил:

– Совсем как раньше. – Глаза у него были грустные, должно быть, и вправду ностальгировал. Он протянул руку и погладил меня по щеке. Я тут же благодарно приникла к его руке губами, и тут он выдал: – Если ты еще раз напьешься, я пушу себе пулю в лоб. Я не шучу. – В этом я не сомневалась, шутить он вообще не умеет, а вот так – точно бы шутить не стал.

– Ты что, спятил? – спросила я, чувствуя, как отпадает моя челюсть.

– Точно, – кивнул он. – Спятил. Ты действительно то единственное, что удерживает меня на этом свете. И если выяснится, что ты... лучше сдохнуть, чем видеть, как ты превращаешься... Извини, – резко закончил он, а я все еще сидела с отвисшей челюстью.

– Игорь, – наконец смогла произнести я и увидела, как изменилось его лицо. Давно я его так не называла. В детстве я обращалась к нему так, как велел отец: «Игорь Николаевич». Потом был краткий промежуток, когда я называла его Игорь, и все во мне пело от счастья, теперь звала как все – Дед, а обращаясь к нему, вообще обходилась без имени. Теперь оказалось, что он обращал на это внимание, и я сразу ощутила неловкость. – Послушай, – вяло начала я, но он

лишь покачал головой:

– Я тебя предупредил, а там как знаешь.

– Клянусь, я...

– Все. Я тебе верю. Тебе. А не тем, кто мелет языками.

Постарайся меня не разочаровывать. А с Дидоновым разберись. Если это подстава, спускать такое негоже. Пусть помнит, кто здесь хозяин. – Дидонов, кстати, тот самый тип, в чьей газетке появилась статья о дебоше, учиненном мною в милиции.

Через десять минут Дед вызвал машину и отправился слушать народу, а я крепко задумалась. Итог оказался неутешителен, пришлось констатировать, что старый змей в очередной раз обыграл меня: и выпить не выпьешь без того, чтобы не чувствовать себя едва ли не убийцей, и в отношении журналистов опять же настоял на своем. Еще дней пять назад я его убеждала и вроде бы смогла убедить, что обращать внимание на их выпады себе дороже. Пусть твякают, нам-то что? Влезем в свару, им же в радость. Согласился он весьма неохотно. Чувствовалось, они его так допекли, что, будь его воля – самолично перестрелял бы самых горластых. Я еще даже съязвила (мысленно), что с таким болезненным отношением к чужим словесам в народные избранники лезть не стоило. И вот теперь мне недвусмысленно предложено разобраться с Дидоновым.

– Ох ты, господи, – тяжело вздохнула я, потому что разборки не любила. Мне и деньги-то в этом серпентарии как

раз платили за то, чтоб все было тихо, мирно, без шума и пыли. И нате вам...

Я скривилась, как от зубной боли, а потом немного поразмышляла о Дидонове, точнее, на чем и как следует поймать его, чтобы раз и навсегда прищемить хвост. Дед в принципе прав, он давно нарывался. Прирожденный правдолюбец изрядно пакостил местной власти, хотя мог бы жить с ней душа в душу. Но пакостил. В городском совете от него Дедовым соратникам житья не было, а тут он еще газетку приобрел, рупор гласности, так сказать. Заправляла там некая дама, но дела это не меняло. «Придется разобраться, – с тоской решила я и вновь скривилась, потому что подумала о Борьке. Вчера я тоже о нем думала, но с симпатией, а сейчас... – Истины нет, есть точка зрения», – напомнила я себе, но легче от этого не стало.

Я сняла трубку и набрала Борькин номер.

– Как дела? – тут же спросил он.

– Хреново. Досталось по самое не могу. Может, кофейку или очень занят?

– Давай часика в два? – как-то вяло предложил он, и мы простились.

Я покосилась на Сашку, который уже некоторое время поглядывал на меня с неудовольствием (ночью в спальню его не пустили, законное место занял чужой дядя), теперь время прогулки подошло, а я все сижу за столом и вроде бы никуда не тороплюсь.

– Прогуляемся? – подмигнула я ему. На ходу лучше думается, мне-то уж точно.

Свежий воздух, веселый Сашка, листья под ногами шуршат, осеннее солнце пригревает, а мысли бегают, как тараканы. Я восстановила в памяти события прошлой ночи. Борька... С Борькой мы познакомились три месяца назад на фуршете, он предложил меня подвезти. Чувствовалось, чего-то парню от меня надо, что, впрочем, неудивительно, памятуя, кто у нас Дед, а то, что у меня с Дедом отношения хоть и не простые, но чрезвычайно близкие, знают все, кому надо.

Однако в тот первый вечер заговорить о своем деле Борька так и не решился. Оставил визитку, и мы простились вроде бы навсегда. Через пару дней после этого я о нем вспомнила и обратилась с просьбой, на которую он охотно откликнулся. Потом дважды приглашал меня на ленч. Я ждала ответной просьбы, не дождалась и совсем было решила, что он на меня «глаз положил». А что, не всегда же я выгляжу паршиво, и Дед прав, девушка я еще совсем молодая. Ну, может, «совсем» сильно сказано... Наконец свое дело он все-таки изложил, и я вздохнула с облегчением, помочь ему было проще, чем увидеть в нем возможного любовника. Правда, он пытался подъехать и с этим, но робко и как-то даже без особой охоты, по принципу «может, и ни к чему, но предложить обязан»... Весьма деликатно я дала понять, что не вижу его в роли возлюбленного. Он тут же отступил, должно быть, вспомнив слухи, что я любовница Деда и рисковать

просто не желаю.

После этого мы время от времени встречались, чтобы немного выпить и поболтать о том о сем, к нашему обоюдному удовольствию. Борька мне нравился – умный, в меру порядочный, но не до глупости, главное, с чувством юмора и убежденностью, что оно есть у меня. Во всяком случае, Борька всегда смеялся моим шуткам, и я это ценила, потому что мало кто находил их смешными.

Представлять Борьку в роли человека, сознательно заманившего меня в ловушку, мне не хотелось. Хотя теперь кое-какие обстоятельства начали выглядеть странновато, чтобы не сказать – подозрительно. Прежде всего выпили мы действительно немного. На самом деле не очень-то я злоупотребляю (хотя послушать общественность, так пью не прося, но это все вражеские козни, а еще невезение, стоит расслабиться – и непременно на кого-то нарвешься). Так вот, вопреки досужей болтовне, я не злоупотребляю, а в тот вечер мне и вовсе пить не хотелось. Мартини я заказала из чувства солидарности и всего один бокал. Согласитесь, доза совершенно незначительная.

Борька трижды заказывал по рюмке коньяка, одним словом, сущая ерунда. В половине одиннадцатого мы покинули заведение. В тот день я как раз дала зарок больше двигаться и оттого была без машины. Борька вызвался отвезти меня домой, и мы покатали по проспекту, свернули на улицу Алябьева, и вот тогда появились доблестные «труженики до-

роги», точнее, кустов и прочих укромных мест. Появились не просто так, а с сиреной и сопутствующей атрибутикой, и выходило, что нужны им мы, то есть Борькина машина. Он свернул в переулок, милиция поотстала, а Борька притормозил и затравленно сказал:

– Вот невезуха... Дернул меня черт коньяка выпить, а у меня на прошлой неделе права отобрали за это дело.

В порыве невесть откуда взявшегося благородства я с ходу предложила:

– Давай я сяду за руль.

Он с благодарностью согласился, и мы торопливо поменялись местами.

Далее сюжет развивался, как в дрянном боевике: милицейская машина выскочила из-за поворота, затормозила перед нами, из нее вышли четверо дюжих молодцов, двое с автоматами, и кинулись к нам, а мы спокойненько наблюдали за происходящим и, помнится, даже улыбались, правда недолго.

Двери распахнулись, нас грубо выволокли из кабины и даже Борьку огрели автоматом. Само собой, я высказала все, что думала по этому поводу. Блюстители порядка тоже высказались по этому поводу. Я предложила им исчезнуть с глаз долой, а мне предложили впредь пить очень умеренно.

Дальнейшие пререкания привели к тому, что мы оказались в райотделе, куда совершенно случайно на ту пору заглянули журналистка и фотокорреспондент «Губернских но-

востей». Несмотря на то что парни сделали все возможное, чтобы довести меня до бешенства, я держала себя в руках и особо суесться не собиралась, потому что вины за собой не знала и была уверена, что инцидент быстренько разрешится, ко всеобщей радости. Я объяснила дежурному, что произошло. Борьку увели на медицинское освидетельствование, хотя я и пыталась втолковать, что делать это ни к чему, раз за рулем была я, а не он. Но мне не вняли. Тут я повысила голос, потому что изрядно утомилась от чужой бестолковости. Должно быть, в тот момент ушлый паренек меня и сфотографировал – рожа у меня на снимке слегка перекошена.

После медицинского освидетельствования Борьку отправили в вытрезвитель, что совсем никуда не годилось, из-за трех-то рюмок коньяка. Тут я рассвирепела и пообещала им райскую жизнь за самоуправство, но обещала в рамках закона, каковым в своих действиях и руководствуюсь (не буду утверждать, что всегда, но в ту ночь – точно). Явился заместитель начальника отделения и разрешил проблему – извинился и отпустил меня на все четыре стороны, а я на Борькиной машине отправилась его выручать.

Особого труда это не составило, но Борька к тому моменту был в большом гневе, пнул стул ногой, тот пролетел пару метров и по своей ветхости рассыпался. Я убедила Борьку, что злиться нет никакого проку. И мы пошли снимать стресс, то есть купили бутылку коньяка, бросили машину на стоянке и там же коньяк усидели, выпросив у охраны стакан. Если

быть точной, бутылок было две (за второй посылали охранника). В итоге мы сошлись во мнении, что менты – козлы, и разъехались на такси по домам.

Утром я чувствовала себя паршиво. Но особой вины за собой не ощущала, так что все последующие события больно меня ранили. Ну, может, не больно, но чувство справедливости во мне оскорбили.

Конечно, все это выглядело подозрительно и в самом деле походило на подставу. Вот только не знаю, кому надо меня подставлять. Человек я в команде Деда незначительный, а народу задействовать для всего этого должны были множество. Выходило, что зря старались, били по воробью из пушки.

– Вот уроды, – сказала я досадливо и даже плюнула, Сашка недовольно покосился. – А ты гуляй, – сказала я, и он обиженно засеменил в сторону.

Вытряхнуть из Борьки всю подноготную труда не составит, хотя, по моему мнению, лучшее, что можно предпринять в такой ситуации, это вовсе ничего не делать. Пошумят, языками почешут и успокоятся, но Дед сказал «разобраться», а его слово здесь закон, и хочешь или нет, а разбираться придется.

– Пойдем домой, – взглянув на часы, позвала я собаку, Сашка сделал вид, что не слышит, но, заметив, что я зашагала к дому, ходко потрусил следом.

В половине второго я отправилась на машине в кафе «Фламинго», где мы договорились встретиться с Борькой. Кафе располагалось в центре города неподалеку от цирка. Единственным недостатком этого любимого мною в силу разных причин заведения являлось то, что припарковаться там было негде. Повсюду знаки «Стоянка запрещена».

Решив из вредности наплевать на знаки, я бросила машину прямо напротив кафе и толкнула стеклянные двери. В зале сидело человек десять. Борьки среди них не было. Я устроилась за столиком возле окна и заказала кофе. Окно было огромным, до пола, и впечатление было такое, точно сидишь на улице. Это было одним из достоинств заведения, для меня по крайней мере, оттого я и любила сюда заглядывать. Еще одно достоинство: высокие цены, соответственно, публика сюда валом не валила, и можно было посидеть в тишине и покое, наблюдая за прохожими. Этим я и занялась в ожидании Борьки.

Он появился через пять минут на противоположной стороне улицы, увидел меня и махнул рукой, лучезарно улыбаясь. Не похоже, что у парня булыжник за пазухой. Он бегом припустил через дорогу и вновь махнул мне рукой. На мгновение его скрыл автобус, а когда он проехал, Борьки я не увидела, зато обратила внимание на перемены в настроении прохожих. Все дружно вытянули шеи, кто-то закричал, а я со всех ног бросилась на улицу.

Борька лежал в полуметре от тротуара, лицо его было за-

лито кровью, вместо рта кровавая каша, ботинок отлетел в сторону, и я об него споткнулась.

Начала собираться толпа, кто-то звонил в «Скорую», кто-то в милицию, я наклонилась к Борьке, и он меня узнал, протянул руку и даже не сказал, а прохрипел что-то. Я бухнулась на колени и услышала:

– Они...

– Кто? Кто «они»? – не поняла я. Он повторил «они», в его горле что-то булькнуло, он вытянулся, взгляд стал бессмысленным, а я поняла, что на моих глазах только что убили человека.

Впрочем, в те первые минуты во мне жила еще надежда, что это все-таки несчастный случай. Борьке все равно, а мне так намного спокойнее.

Но надежды развеялись как дым. Прежде всего виновник происшествия скрылся, хотя это было глупо, Борька игнорировал переход и красный сигнал светофора, так что с точки зрения дорожных правил виноват был сам. Однако водитель стареньких «Жигулей» все-таки скрылся. Дорога в этом месте неширокая, а движение хоть и интенсивное, но водители особенно здесь не лихачили – народу пруд пруди, и все, как один, игнорируют светофор, поневоле начнешь ползти, как черепаха. Но тот, что на «Жигулях», по свидетельству граждан, не полз, он вылетел из подворотни, разогнался и тормозить вовсе не пытался, а, наоборот, прибавил газа.

Тут, конечно, можно было усомниться в правоте чужих

слов, фантазии разгулялись и все такое, но характер травм говорил о другом. Не первый раз мне доводилось видеть покойников, время от времени они возникали в моей жизни, и, как всегда, некстати. Взглянув на Борьку, я поняла: сработано профессионально. А дальше вовсе тьма египетская. Кому надо было убивать Борьку? Сидит себе парень в своей фирме, торгует компьютерами, никому не мешает. Мне ли этого не знать? Однако вот он – у моих ног, окровавленный и бездыханный, значит, кому-то это нужно.

Подъехала «Скорая», а следом милиция. Я отошла в сторонку и набрала номер Дедовой охраны. С его новым начальником службы мы не очень-то ладили, и я обрадовалась, услышав голос Виталия. Этот был из старой гвардии и понимал все без лишних слов. Втолковав ему, чего хочу, я направилась к милиционеру, сиротливо стоявшему рядом с трупом. Следующие полчаса я потратила на пустые разговоры, хотя и надеялась, что извлеку из них пользу. Но везет мне далеко не всегда, не повезло и в этот раз. Через некоторое время я загрузилась в «Ситроен» и отправилась восвояси в тоске и отчаянии.

Тоска хоть и присутствовала, но все же я была уверена: никакого отношения Борькина смерть ко мне, то есть к недавним событиям, не имеет. Но черная мысль уже разъедала мой многострадальный мозг, и вовсе выкинуть из головы я ее не могла. Оттого напрямик отправилась к Лялину. Не так давно он был начальником охраны Деда, но счастливо

покинул наш серпентарий и, судя по всему, нисколько об этом не жалел. Он ушел в фирму, которая занималась охраной грузов, на весьма хороший оклад и почтенную должность, а еще в четырех фирмах числился консультантом. В общем, на жизнь ему хватало, а покоя не в пример больше. Я завидовала ему, хотя и мне никто не мешал сменить место работы. Когда-то я даже мечтала об этом, но лишь представлялась возможность, то по какой-то неведомой причине я ею не пользовалась. Загадка русской души.

Офис Лялина с улицы выглядел скромно, а внутри отделан был богато. Кабинет поражал величиной и дорогой мебелью. Сам Лялин, здоровенный мужик сорока шести лет, благодаря рыжим усам, был похож на добродушного моржа. Если учесть, что он долгие годы работал в разведке, таковому впечатлению мог доверять лишь идиот. Лялин – мужик с характером и принципами. У меня вовсе не было никаких принципов, и, должно быть, по этой причине я его сильно уважала. Год назад мы сумели помочь друг другу, и это лишь увеличило взаимную симпатию, оттого, направляясь сюда, я рассчитывала на теплый прием.

– Кого я вижу, – пропел Лялин, крутанувшись в кресле.

– Привет, – хмыкнула я, подниматься он не стал, а я в отместку подошла и смачно его поцеловала, ухватив за уши.

– Не иначе как чего-нибудь попросишь, – скривился он, хоть и явно был доволен. Я взгромоздилась на край стола и немного подрыгала ногами, широко улыбаясь.

Он крикнул, сложил руки на животе, дабы избавить себя от искушения погладить мои коленки, и сказал:

– Хорошо выглядишь.

– Врешь, – не поверила я.

– По мне, так лучше не бывает. Просто удивительно, что ты до сих пор сидишь в девках.

– Вот-вот.

– Не «вот-вот», а паскудный характер.

– Это точно. Куда мне замуж, меня и в любовницы никто не зовет.

– Я возьму с охотой. Ну что, поладим? – Мы дружно засмеялись, после чего Лялин все-таки похлопал меня по коленке и серьезно сказал: – Рад тебя видеть. Как там в нашей богадельне?

– Нормально.

– Ага. А ты зачем приехала? Неужто хотела на меня взглянуть?

– Тебя это удивляет? – пожала я плечами и усмехнулась: – Газету видел?

– Видел, – кивнул Лялин. – Ну и что? Ветер дует, собаки лают. Ты фотогенична, фотография мне понравилась, а статейка дрянь. Забудь.

– Не могу, – сложив руки на коленях, заявила я. Лялин удивленно поднял брови.

– С какой стати? Неужто Дед решил... Это глупо.

– Уж не знаю, – сказала я с намеком на печаль. – Парень,

что был со мной той ночью, погиб час назад. Какой-то урод сбил его машиной в центре города, когда я тихо-мирно ждала его в кафе, чтобы задать ему пару вопросов.

– Случайностью это быть не могло? – спросил Олег и тут же отвел глаза. – Вот черт, опять труп. И ты и я знаем, если один имеет место быть... в общем, спокойной жизнью не пахнет.

– Это точно, – без энтузиазма согласилась я.

– И что ты думаешь? – помолчав немного, спросил Лялин. Раньше он таких вопросов не задавал. Мог спросить «что скажешь», а думали мы всегда примерно одинаково, наверное, это что-то вроде родства душ.

– Что я могу думать? – обиделась я, потому что явилась сюда, чтобы послушать умного человека, а он вместо этого вопросы задает, к тому же дурацкие. – Допустим, газетка и так далее – подстава. Вопрос: кому надо вывалить меня в грязи? Должна быть цель, верно? А эта хрень в газете просто чепуха. Даже если иметь в виду мою репутацию. Не тот я человек, чтобы кто-то всерьез ею озаботился.

– Цели ты не видишь, – вертя зажигалку в руках и не глядя на меня, заметил Лялин. – И это скверно. Цель, конечно, есть. И то, что ты о ней ни ухом ни рылом... значит, что-то готовится. И если начали с тебя...

– Хочешь сказать, им нужен Дед?

Он пожал плечами, повертел в руках зажигалку.

– Я гадать не любитель, а чтобы трезво оценить ситуацию,

нужны факты. Их нет. Не считая двух: дурацкая статья и гибель твоего приятеля. Вопрос: как они взаимосвязаны?

– Кто-то не хотел, чтобы я узнала, кому понадобилось обливаться грязью?

– Возможно. Но я больше склоняюсь к другой мысли...

– Не тяни, – нахмурилась я, потому что Лялин замолчал. Я знала его привычку подолгу сидеть истуканом, вдруг отключившись от реальности посреди фразы.

– Кому-то хотелось, чтобы ты так решила. Вот парень и сыграл в ящик.

– Да-а, – протянула я, без удовольствия глядя на Лялина. Теперь гадай, в самом деле он что-то почуял (а чутье у него, кстати, волчье) или так, фантазирует. – Что делать? – спросила я, надеясь, что он ответит. Олег пожал плечами.

– А что тут сделаешь? Надо ждать. Сказавший «а», непременно скажет «б».

– Утешил.

– На то мы и друзья, – хмыкнул он. – Детка, – позвал он ласково, я хотела удивиться, не тому, как он меня назвал, в этом как раз не было ничего необычного, меня так зовут все кому не лень, удивление вызвала его интонация. Но вместо того, чтобы удивиться, я насторожилась. – Я в это дерьмо не полезу, – подняв на меня глаза, твердо сказал Лялин. – И не проси.

– Неужто все так серьезно? – испугалась я.

– Это я так, на всякий случай. Чтоб ты была в курсе.

– Ага. Спасибо тебе, Олег.

– Да не за что. – Он засмеялся, но как-то не очень весело.

Мы разглядывали друг друга, глупо ухмыляясь. Лялин даже слегка хохотнул, потом покачал головой и сказал:

– Ты, конечно, знаешь, что сестра твоего Борьки у Дидонова в главных редакторах.

Я нахмурилась и ответила:

– Впервые об этом слышу. Я даже не знала, что у него есть сестра.

– Теперь знаешь.

– Выходит, сестрица обратилась к нему с малюсенькой просьбой, а он не смог ей отказать. Олег, это ж чепуха, а парня сегодня убили...

– Вот-вот. Оттого я и предупредил сразу: не жди, что я полезу в это дерьмо. Тупому ясно, сунешь палец, а без башки останешься.

– Да с какой стати? – разозлилась я, потому что не понимала, что его так насторожило в данной ситуации.

– А с такой, что дело не стоит выеденного яйца, а труп уже появился. И Дед просил разобраться. Ведь просил?

– Да его уже давно журналоги допекают. Мне стоило больших трудов уговорить его не делать резких движений, так что этот папарацци...

Лялин кивнул, вроде соглашаясь, но как-то так выходило, что на самом деле он скептически усмехается.

– Когда наши умники что-то затевают, простым гражда-

нам, как мы с тобой, очень долго приходится шевелить мозгами, чтобы понять, куда ветер дует. Смотри в оба. Ты опять в игре, хочешь ты этого или нет.

– Умеешь ты успокоить, – проворчала я.

– Просто не тороплюсь на твои похороны.

– Вот черт... – Я принялась кусать губы, а Лялин продолжил развлекаться с зажигалкой. – У тебя есть чтонибудь на Дидонова? – спросила я.

– На что он тебе? – вроде бы удивился Лялин.

– Нетрудно догадаться, – съязвила я.

– Брось, не трать на него время. Хотя...

– Ну... – вновь насторожилась я.

– Последнее время у него большая дружба с Игнатовым. Игнатов серьезный мужик, с серьезными деньгами. Очень может быть, из этого выйдет что-то путное.

– И Дед, предвидя подобную ситуацию...

– Это ты сказала, – ткнул в меня пальцем Лялин.

– Само собой. Так у тебя есть что-то на Дидонова?

– Жена-алкоголичка. Подойдет?

– На кой ляд мне его жена?

– Сыночек балуется марихуаной.

– Лялин, – начала я злиться.

– Хорошо. Сам Петр Васильевич тяготеет к мужскому стриптизу. И не только.

– Врешь, – брякнула я. Дидонов всегда казался мужиком простоватым и без фантазии. И нате вам... – Господи, что ж

в мире делается? Подружка, то есть друг, у него есть?

– Он очень осторожен. Вряд ли позволит себе что-то в нашем городе.

– А...

– Все, – махнул рукой Лялин. – Проваливай. У меня работы полно. Вид твоих коленок меня расслабляет, а мне надо мобилизоваться.

Я спрыгнула со стола, демонстрируя обиду, и пошла к двери.

– Детка, – позвал Лялин, я с интересом оглянулась, а он напомнил: – Будь осторожна.

– Ага, – вяло кивнула я.

Уже в машине я прикидывала и так и эдак и очень злилась на Лялина. Любит он наводить тень на плетень. Всюду ему видятся подводные течения, заговоры и прочая дребедень. Да и я хороша. Наплела семь верст до небес, а никакого убийства, возможно, вовсе нет, есть несчастный случай. Каждый день в городе кого-то сбивает машина... Зазвонил мобильный.

– Детка, – доложил Виталий, – тачку нашли на Гоголя. Угнали сегодня утром со стоянки возле дома на Пирогова, хозяин даже не заметил, пока менты не сообщили. Пятый день в запое.

– А не мог он сам в запое за руль сесть?

– Не мог. Жена сегодня знакомого лекаря вызывала капельницу ставить, как раз в то время, когда ДТП произошло.

Что еще я могу для тебя сделать?

– Похоже, ничего. В тачке, конечно, ни отпечатков, ничего стоящего.

– Конечно.

Я простилась и горестно вздохнула: «Ну вот, и помечтать не дали. Несчастливым случаем и не пахнет, к убийству подготовились».

Можно было и здесь пофантазировать, мол, свистнул какой-то олух тачку... Олух свистнул тачку утром, чтобы к обеде появиться на ней в центре города, сбить человека и бросить машину в пяти кварталах от места происшествия.

– Чего ж так не везет-то? – пробормотала я и направилась домой.

Часов в семь вечера я выходила из машины в тихом переулке возле двухэтажного углового здания, по всему фасаду которого сияли огни рекламы, а возле входа стоял мордастый парень в красной рубашке. Что за идиот додумался так его вырядить? Надо спросить Вовку, он должен знать.

Я толкнула дверь и некоторое время придерживала ее, дожидаясь, когда Сашка перетечет с улицы в холл.

– Ты бы его хоть в сумке таскала, – ворчливо заметил парень в красном.

– Ага, – огрызнулась я, – посиди сам целый день в сумке. – Парень покачал головой, а Сашка из вредности замедлил шаг. – Пошевеливайся, – шикнула я.

Холл был пуст, если не считать охранника, меня и собаки. Боковая дверь открылась, и появился Вовка, то есть Владимир Павлович.

– О, привет, – сказал он, направляясь ко мне. – Решила отдохнуть?

– Еду мимо, жрать охота, вспомнила, что ты хороший человек. Накормишь?

– Ну... – развел он руками. – Сядешь в зале, или ко мне пойдём?

– Сашка любит общество.

Владимир Павлович наклонился и погладил пса, с Сашкой они дружили, оттого он и не возражал, когда я появлялась здесь в сопровождении собаки.

До начала представления оставался час, в зале пустовало больше половины столов. Я устроилась за маленьким столиком справа от эстрады, пес занял место в кресле напротив, к мужскому стриптизу он был равнодушен.

Появился официант, улыбался он так зазывно, точно сам не прочь был стать моим ужином. Я сделала заказ, не забыв о Сашке, и откинулась в кресле. Вовка шел по проходу, прихватил стул по дороге и устроился рядом.

– Твой сегодня только во втором отделении.

«Моим» он называл парня-стриптизера по имени Спартак. На самом деле звали его Коля, и моим, в том смысле, который вкладывал в это слово Вовка, он никогда не был. Однако я кивнула, оставив его слова без комментария. Спартак

являлся всеобщим любимцем, девки по нему с ума сходили, а бабы постарше готовы были выложить любые деньги, разумеется, если они у них водились. Но Спартак был непреклонен, объясняя это тем, что секс и работу путать не намерен. Поговаривали, что у него есть девушка и он думает жениться, оттого его внезапный интерес ко мне слегка меня удивил.

В стриптиз-клуб я попала случайно, опять же в компании Борьки. Борька меня со Спартаком и познакомил, они учились в одной школе. Представление мне понравилось, работал парень профессионально, о чем я ему и сказала уже за ужином.

Поначалу к похвале он отнесся настороженно, но так как кокетничать с ним я не стала, за руки и прочие места не хватала, он заметно ко мне подобрел, а через неделю мы вдруг стали встречаться. Говорю «вдруг», потому что сие произошло как-то неожиданно и вроде независимо от меня. При встречах вел себя Коля несколько странно, странно для такого парня, я имею в виду. О постели даже не заговаривал, все больше о книжках, которые я, понятное дело, не читала. Я вообще ничего не читаю, кроме справочников, да и то только в случае крайней нужды.

Если парень-стриптизер двухметрового роста и выдающейся мускулатуры вечер напролет вешает тебе лапшу на уши о модном писателе, которого читали все, поневоле начинаешь чувствовать себя идиоткой. На следующий день я купила книжку и вскоре после этого почувствовала себя еще

большей дурой.

В общем, вместо того, чтобы засорять себе мозги, я решила узнать о Коле побольше, то есть вызнать всю его подноготную. То, что к парням его не тянет, выяснилось сразу, такие вещи в клубе узнают очень быстро. В конце концов все оказалось даже проще. В погоне за мускулатурой Коля лишился здоровья, которое пытался восстановить, и пока безуспешно. Узнав об этом, я поначалу разозлилась, по какому принципу он выбрал меня из трех сотен женщин, что довольно регулярно толкались в клубе. Но, малость успокоившись, решила, что это меня не касается, как и многое другое в этом мире.

Мы продолжили встречаться с Колей, на это обратили внимание, к нашему обоюдному удовольствию. Колин рейтинг лишь вырос, но теперь дамы особо не нагтели, а у меня вроде бы появился официальный дружок, что тоже неплохо: пусть граждане считают, что я выбрасываю деньги на стриптизеров, нежели начнут выдумывать небылицы похуже.

Поболтав о пустяках, Вовка ушел. Я доедала мороженое, когда появился Коля, не на сцене, а в зале, протопал ко мне и устроился на стуле, который ранее занимал Вовка, перегнулся ко мне, поцеловал в щеку и погладил Сашку. Тот в восторг не пришел, но и возражать не стал.

– Как дела? – дежурно поинтересовался Коля.

– Нормально.

– А статейка в газете?

– Фигня.

– Точно? – Похоже, его этот вопрос действительно волновал.

– Ага.

– Мне не нравится, что тебя поливают грязью. А еще выставляют какой-то алкоголичкой. Ты пьешь очень мало.

– Откуда тебе знать? – хмыкнула я.

– От верблюда. Я не идиот, это раз, и человек наблюдательный, это два. Ты так же похожа на алкоголичку, как я на первоклассника.

– А на кого я похожа? – сдуру спросила я.

– Не обидишься? – поинтересовался Коля.

– Чего уж там... говори.

– Ты похожа на человека, который не может понять, как его сюда занесло.

– В этот кабак?

– В этот мир.

– Вон оно что, – с умным видом покивала я. – Seriously...

– Почему у тебя нет друзей? – спросил он. – Я не себя имею в виду. Друзей, подруг, вообще близких людей? Ты боишься к кому-то привязаться...

– Эй, ты завязывай с этим сеансом психоанализа. Я помню, что ты получаешь второе образование, но тренируйся на ком-нибудь другом.

– Я же хочу тебе помочь.

– Вот сейчас спрошу, какого черта ты меня в постель не

тащишь, и начнем помогать друг другу, – разозлилась я.

– Ты же знаешь, – спокойно пожал он плечами. – Ведь знаешь?

– Допустим.

– Вот мы и помогаем друг другу, – хмыкнул он. – Умные к умным, а увечные к увечным.

– Ни хрена себе, – возмутилась я, хотя возмущения не чувствовала.

– Не злись, – сказал он очень мягко. – Ты боишься мужиков, то есть боли, которую тебе могут причинить, или еще чего-то, а я безопасен.

– В этом сумасшедшем мире все перевернулось с ног на голову: я сижу в кабаке со своей собакой и двухметровым увальнем, у которого, по общему убеждению, мозгов не больше, чем у обезьяны, и что слышу? Два дня назад, кстати, беседовала с одним депутатом, так он битый час жаловался, что не может купить приличный галстук.

– Хочешь, я паскуде, что статейку написала, морду набью? – предложил Коля.

– Паскуда – девушка двадцати двух лет с очень приятной внешностью. Я не верю, что ты способен ударить женщину.

– Ей влеплю запросто. Ткну мордой в лужу, глядишь, в следующий раз подумает, прежде чем гадости писать.

– Она здесь ни при чем, – скривилась я. – Ей поручили, она написала.

– А кто при чем?

– Это я и пытаюсь выяснить.

– Хочешь, чтобы я помог? – спросил Коля.

– Хочу, – кивнула я. – Фамилию Дидонов слышал?

– Нет, а должен?

– Ты совершенно аполитичный человек, – попеняла я.

– Давай по делу, – кивнул Коля.

– Дидонов – народный избранник и хозяин газетки «Губернские новости».

– Ему морду набить?

– Оно бы неплохо, но делу этим не поможешь.

– Тогда что?

– Есть мнение, что Дидонов интересуется мальчиками, но очень осторожен. Куда в нашем городе отправится человек с его проблемой?

– Так сразу не ответишь, – подумав немного, сказал Коля. – Я поспрашиваю. Если хоть раз засветился...

– Засветился, иначе откуда бы я об этом знала?

– Дай мне пару дней, хорошо?

– Хорошо.

– Шоу смотреть будешь?

– Ты сегодня только во втором отделении, так на кого смотреть?

Он довольно засмеялся.

– Встретишь меня? Немного прогуляемся...

– Встречу.

Коля поцеловал меня на прощание и отбыл. Зал к тому

моменту заполнился до отказа, и дамы смотрели на меня с завистью, а я лишь усмехалась: вся наша жизнь сплошной обман.

Слова Кольки о том, что я чего-то там боюсь (мужиков или боли – неважно), смутно тревожили меня. Странное, однако, я произвожу впечатление. Не успела я всерьез затосковать, как вернулся Вовка, он считал обязанным меня развлекать, а может, просто человеку делать нечего.

– Поболтала с любимым? – весело поинтересовался он. – Колька у нас еще год поработает, а потом институт закончит и тью-тью... Впрочем, ты все знаешь лучше меня. Слушай, а чего ты замуж не выйдешь?

– А чего ты лезешь, когда тебя не просят?

Вовка не обиделся, только хмыкнул, но предпочел сменить тему:

– Сейчас по телику в новостях сказали, что в «Центральном» опять убийство. Снова молодая баба... Неужто в самом деле маньяк?

Я не успела ни расспросить, ни высказать собственную точку зрения, как зазвонил мой мобильный.

– Детка, – голос моего старшего друга звучал сердито, – поезжай в «Центральный», опять убийство, попробуй разобраться, что происходит. Найдешь там парня по фамилии Вешняков, с ним и будешь работать.

– Хорошо, – буркнула я, посмотрела на Вовку и сказала: – Скажи Коле, встретить его я не смогу.

– В «Центральный» поедешь? – догадался Вовка. – Выходит, правда маньяк?

Если честно, отправляясь в универмаг «Центральный», где было совершено убийство, я считала, что Деду просто пришла фантазия занять меня работой, так сказать, для моего душевного здоровья. Вообще-то время от времени мне приходилось подключаться к расследованиям, а иногда, если это было угодно хозяину, и проводить свои параллельные изыскания. Но это явно не тот случай. Какое отношение убийство в универмаге могло иметь к нашей богадельне? Вот если бы хлопнули кого-то из видных деятелей или их близкий родственник сдуру хлопнул кого-то, тут уж, конечно, без меня не обойтись. К счастью, такое случалось редко. Временами у нас возникали какие-то трения с законом, и тогда мне приходилось их улаживать. Это, видимо, Дед и имел в виду, назначая меня на должность помощника по связям с общественностью.

Милицейские чины относились ко мне по-разному, но в общем-то мы ладили, чему сильно способствовал тот факт, что большинство из местного начальства Дед прикармливал еще в те времена, когда рвался к власти. Да и теперь кормил, а многие еще и по долгу службы от него зависели, так что вопрос: «Какого хрена тебе надо?» – мне точно никто не задаст.

Я двигала к «Центральному» универмагу, злясь на Деда за

его желание лишить меня приятного вечера. Я была уверена, что мое присутствие там совершенно излишне, но серьезное отношение к работе, как всегда, победило, и я набрала номер мобильного Виталия.

– Привет, Детка. Уже знаешь?

– Что такого особенного в этом убийстве? – осведомилась я.

– Похоже, в городе объявился маньяк. А позиция Деда общеизвестна: безопасность наших граждан для нас...

– Слушай, у меня башка болит. Я помню, что граждане выпадают в транс при слове «маньяк», давай ближе к делу.

– В прошлый вторник в универмаге «Центральный» в кабинке для примерки убили женщину. Удар был нанесен сзади тонким острым предметом типа стилета, девица даже не поняла, что произошло, перед тем как скончаться. Само собой, ни свидетелей, ни улики, никто ничего...

– А орудие убийства?

– В универмаге его не нашли.

– Так. А что теперь?

– А теперь еще одно убийство, очень похожее на первое.

Ты туда едешь, сама и разберешься.

Я чертыхнулась, а Виталий отключился.

Универмаг «Центральный» обычно работал до десяти, но, похоже, сегодня торговлю уже прекратили. Возле четырехэтажного здания толпились люди, с любопытством таращась на стеклянные двери. Рядом стояли господа в форме с очень

хмурыми лицами. Все пространство вокруг было забито машинами, свою мне пришлось бросить в переулке и метров триста топать пешком, костеря на все лады человеческую глупость: ну что интересного в смерти? А они толпятся, тянут шеи... Одно слово: придурки. Сашку я несла в сумке, чтобы его не раздавили в толпе, он настороженно вертел головой и казался недовольным. Пробираясь сквозь толпу, я узнала массу интересного: одни говорили, что трупов не один, а целых три, другие утверждали, что в универмаг подложили бомбу, идея показалась мне занятной, может, стоило бы обратиться от греха подальше?

У дверей я была остановлена бдительным стражем.

– Вы куда? – хмуро поинтересовался он. Пока я извлекала удостоверение, подошел мужчина в штатском.

– Пропусти. Карпов, – представился он, когда мы направились к двери. – Я вас провожу. Как зовут собачку?

– Сашка.

– Имя не собачье.

– Ему нравится.

В холле тосковал молоденький милиционер. На меня он посмотрел с удивлением.

– Тело обнаружили в 18 часов 50 минут, – неторопливо объяснял Карпов. – Женщина работала здесь же, в отделе одежды. Иванова Елена Петровна.

– Она что, одна в отделе работала? – спросила я.

– Нет, как положено, вдвоем.

– И ее напарница ничего не заметила?

– Ничего подозрительного. В шесть часов наплыв покупателей. Говорит, вертелась, как белка в колесе, не сразу обратила внимание, что Ивановой долго нет, а когда обратила, решила, что та вышла покурить или позвонить. Та была любительницей по телефону болтать.

Мы поднялись на второй этаж, здесь было множество секций, отделенных друг от друга пластиковыми перегородками, возле одной из них курили трое мужчин в штатском, заметив нас, они прервали разговор.

– Вот, знакомьтесь, – кашлянув, сказал Карпов, – Рязанцева Ольга Сергеевна.

– Очень приятно, – улыбнулся самый молодой из троих. – Вешняков Артем Сергеевич.

Мы пожали друг другу руки. Двоих я знала довольно давно, оба они ограничились вежливыми кивками. Из распахнутой настежь двери показался Валера, как всегда улыбающийся. Не помню, чтобы трупы портили ему настроение.

– Здорово, – радостно приветствовал он меня. – Хочешь взглянуть?

– Придется, раз приехала.

Я пошла за ним. Примерочных кабин было три. В одной на полу сидела женщина, странно вывернув ноги, прижимаясь спиной к зеркалу, голова ее свесилась на грудь, глаза были закрыты. На груди виднелась карточка с именем Елена. Я по привычке полезла за сигаретами, закурила, опомнилась и

виновато огляделась: похоже, никому до этого дела не было. Валера протянул мне пустую пачку из-под сигарет, которую кто-то уже использовал вместо пепельницы.

– Расскажи, – попросила я.

– Особо рассказывать нечего, – вроде бы чему-то радуясь, ответил он. У Валерки всегда такой вид, точно все в этой жизни его веселит. Оптимист, одним словом. – Иванова Елена Петровна. Работала здесь три года. Похоже, убивать ее не за что, ни сомнительных связей, ничего такого. Обычная женщина, с обычной жизнью.

– Но ее убили, – кивнув на труп, сказала я.

– Точно. Если это маньяк, то ему все равно кого пырнуть ножом.

– Ножом? – уточнила я.

– Скорее финка или что-то в этом роде, узкое длинное лезвие. Смерть наступила мгновенно, она даже не вскрикнула. А ведь здесь не пустыня, что-то да слышали бы.

– И никто ничего не заметил? – спросила я с сомнением.

– Как всегда, – пожал он плечами.

Подошел Вешняков.

– Маньяков нам только и не хватало, – буркнул он недовольно. – Теперь начнется...

Что он имел в виду, я не стала уточнять. Разумеется, мое присутствие его раздражало, да и кому понравится, когда посторонние лезут в твою работу.

– Если это действительно маньяк, – начала я, – вы пони-

маете беспокойство наших властей...

– Все ясно. Вы не думайте, против вас я ничего не имею. Если хотите помочь, делу это только на пользу. О вас отзываются как о хорошем профессионале.

Я было заподозрила, что он издевается, но смотрел он на меня серьезно, да и насмешки в его голосе я не уловила. Валера, точно соглашаясь с ним, кивнул.

– Что ж, будем работать вместе, – тоже кивнула я, – раз уж начальству так угодно. С ним, как известно, не поспоришь. Правда, пока я теряюсь в догадках, чем могла бы помочь.

– Дело дохлое, – поморщился Вешняков, – если это действительно маньяк.

Маньяков я тоже не жаловала. Если это его рук дело, Вешняков прав, найти убийцу будет нелегко.

– Первое убийство было совершено в отделе женского белья, это недалеко отсюда. Если хотите, можем пройти...

Я кивнула, хотя особой необходимости в том не видела. Но стоять и пялиться на труп занятие не из приятных, лучше размяться.

Мы направились к отделу женского белья, он находился через три секции. Прямо возле входа была примерочная кабина.

– Здесь?

– Здесь, – кивнул Вешняков. Я заглянула. Зеркало висело сбоку, прямо тяжелая портьера, я отдернула ее, с этой стороны был выход в секцию спорттоваров.

– Интересно, – пробормотала я, скорее для себя, но Вешняков услышал.

– Примерочная одна на два отдела. Для спорттоваров эта кабинка требовалась редко, вот и договорились, в случае необходимости... Обычно портьеру не задерживают, и сразу видно, занято или нет.

– Понятно, – кивнула я.

– Убитая Серафимович Вероника Павловна, родилась в городе Нальчик, последнее место жительства Красноярск. Родственников в нашем городе не имела. Накануне приехала в 11.40 из Москвы. Где остановилась, до сих пор не выяснено. В 15.25 в прошлый вторник ее труп обнаружили в этой кабинке.

– Женщина зачем-то приехала в наш город, пришла в универмаг, и ее убили.

– Убил психопат, – напомнил Вешняков. – Она взяла какие-то вещи, примеряла их, когда он ее ударил.

– Случайная жертва.

– Если это маньяк...

– Что, вот так сразу и решили, что маньяк? – Вышло у меня немного нервно.

Вешняков нахмурился, но ответил спокойно:

– Почему сразу? Ведется следствие... Убитая из Красноярска, послали запрос, пока до сих пор не ясно, зачем она сюда приехала.

– Так отправьте кого-нибудь в Красноярск и выясните. –

На этот раз он промолчал. – Что еще известно?

– Продавец, работавшая в ту смену, ничего подозрительного не заметила. Клиентов было немного, женщина вошла, выбрала два... бюстгальтера, – запнувшись, произнес он и вроде бы даже покраснел, чем, признаться, удивил меня. Способность моих друзей из правоохранительных органов краснеть вызывала у меня сомнение. А по такому пустячному поводу... Надо приглядеться к парню, похоже, он того стоит. – Кабинка была занята, – продолжил он. – Женщина ждала, стояла вот здесь. Когда примерочная освободилась, вошла. Тут появились еще покупатели, и продавец занялась ими. Минут через десять она забеспокоилась, подошла и позвала Серафимович, та не откликнулась, продавец перепугалась, что она просто сбежала через соседнюю секцию, отдернула штору, а она сидит.

– Артем Сергеевич...

– Можно без отчества, – торопливо заметил он.

– Меня тоже. И выкать необязательно. Так вот, Артем, смотри что получается, отдел маленький, продавец один. Примерочная весьма неудобна, в том смысле, что ушедшей девице легче легкого свалить через спорттовары. А бельишко здесь не дешевое. Вот эта хрень, к примеру, баксов сто. – Лицо Артема дрогнуло, он уставился на узкую полоску кружев с резинками и подошел поближе, должно быть, не поверив мне.

– Сто двадцать, – сказал он с отвращением.

– Вот-вот. Продавец вряд ли получает больше пяти тысяч рублей. То есть Серафимович прихватила в кабину примерно месячную зарплату девушки. По идее, она не должна была от нее отходить. От кабинки, я имею в виду, ненавязчиво спрашивая каждую минуту: «Ну как вам, подошло?»

– Я же объяснял, были еще клиентки.

– Это я помню. И все-таки с продавцом я бы еще раз поговорила.

– Сегодня не ее смена, – сообщил Артем, но задумался. – Тут вот еще что. Продавец говорит, заходил незадолго до этого парень, купил женские трусики. Вел себя как-то нервно. Составили фоторобот. Возможно, это наш маньяк.

– Возможно, – не стала возражать я. – Он долго пробыл в отделе?

– Минут пять. Вошел, торопливо что-то выбрал и ушел. А буквально через несколько секунд вошла Серафимович. Девушка утверждает, что он обратил на нее внимание.

– Что значит обратил?

– Ну, посмотрел как-то по-особенному. Заинтересованно.

– Убитая что, была уродиной?

– Нет.

– Тогда почему парню и не взглянуть на женщину заинтересованно?

– Между прочим, он наша единственная зацепка.

– Зацепка хреновая. Зашел парень купить трусики подружке в подарок. Ты бы как себя чувствовал на его месте? –

Артем скривился. – Вот-вот. Схватил, что первое увидел, и побыстрее отсюда, а тут женщина навстречу.

– Этот тип вполне мог пройти в отдел спорттоваров, дождаться, когда она войдет в кабинку, и зайти с той стороны.

– Что говорят продавцы из отдела спорттоваров?

– Обычно их две. В тот день народу было много, мужчина купил беговую дорожку, а грузчика не оказалось, товар разгружал, покупатель ждать не хотел, девчонка помогла ему донести коробку до машины. Так что продавец осталась одна на всю секцию, стояла вот здесь, где костюмы. Народ ходил туда-сюда, в основном мужчины, но и женщин было немало. Но в эту примерочную из ее отдела точно никто не заходил, во всяком случае, она такого не припомнит. Ее напарница вернулась, и тут как раз закричала Полежаева, которая обнаружила труп, обе кинулись к ней, напрямую, разумеется, то есть через кабину.

– Убитая была раздета?

– В юбке.

– То есть она вошла, успела снять плащ и кофточку или что там на ней было, и кто-то в это время ударил ее ножом.

– Да. И подошли, скорее всего, со стороны отдела спорттоваров. Конечно, он мог поджидать ее в кабинке, но это во все никуда не годится.

Я тоже так думала, даже если парень что-то примерял, женщина извинилась бы и стала ждать своей очереди.

– Я хочу поговорить с продавцами, – сказала я.

– Пожалуйста. – Артем обиделся, но вида не подал. – Возвращаемся?

– Ага. Смотреть здесь больше нечего.

В отделе одежды народу только прибавилось, я кивнула двоим знакомым и вновь прошла к кабинке. Пока мы отсутствовали, убитую увезли.

– Сюда тоже можно попасть из соседнего отдела, – кивнул Артем. – Видите, примерочные кабинки соприкасаются.

Точно, даже штора между двумя из них была общей, должно быть, в целях экономии. Из двух других кабинок выбраться в соседний отдел невозможно, чтобы не наткнуться на вешалки и все там не повалить. А из этой, при желании, пожалуйста.

– В тот момент кто-нибудь пользовался кабинкой в соседнем отделе?

– Нет.

– То есть продавец просто не заметила, что кто-то туда входил?

– Утверждает, что не входил. В отделе были два парня, купали свитер, кабинкой не пользовались, примеряли прямо перед большим зеркалом. Еще была супружеская пара. С ними наши ребята говорили, ничего подозрительного. Если хотите, можете сами...

– Но как-то он попал сюда, – вздохнула я. – И Иванова зачем-то вошла в примерочную?

В основном над этим вопросом мы и продолжали ломать

голову с Артемом, когда часов в двенадцать ночи заскочили в бар, он, чтобы перекусить, я, чтобы составить ему компанию. Голова трещала, не худо бы выпить с устатку, но, памятуя угрозу Деда, я решила в рот не брать спиртного, дабы не искушать судьбу. Старый змей из вредности пустит себе пулю в лоб, а мне потом кори себя за бесчувственность.

– Ты сомневаешься, что это работа маньяка? – спросил Артем, покончив с салатом и бутербродами. К тому моменту мы, можно сказать, подружились, он мне нравился, и я ему, судя по всему, тоже.

– Был в моей практике один маньяк, вспорол девчонке живот, разложил внутренности по всей постели, сунул в рот пачку долларов и даже надпись на стене кровью оставил. Оказалось, очень разумный парень и мозги нам пудрил ловко.

– Я помню этот случай, – кивнул Артем. – Волкова Виктора Павловича знал хорошо, начинал под его руководством. Вот ведь судьба, до сих пор не ясно, что произошло. Исчез человек, словно не было, ни слуху ни духу. Вы ведь дружили?

– Да, много лет. – Упоминание о Волкове мне не понравилось, и я поспешила вернуться в день сегодняшний: – Так вот, пока ничего особо маньячного я здесь не вижу. – Артем усмехнулся, а я продолжила: – В пользу данной версии говорит способ и место убийства, а также тот факт, что жертвы вроде бы случайные люди. А вот так ли уж они случайны, предстоит разобраться.

– Что их может связывать? Одна приехала из Сибири, другая просто работала в универмаге. Друг о друге они и не подозревали. – Я пожалала плечами, а Артем нахмурился. – Думаешь, стоит слетать в Красноярск?

– Ну, если тамошние менты не чешутся... Дед не любит, когда граждане впадают в панику и боятся зайти в магазин. Представляешь, что завтра начнется в городе?

– Да уж...

– Для инициативного парня это дело – хороший шанс продвинуться.

– Я понял, – серьезно ответил Артем и добавил: – Только я не из-за этого... хотя против карьеры ничего не имею, просто хочется докопаться.

– Хочется докопаться, – передразнила я, укладываясь спать и по привычке вспоминая недавний разговор с Артемом. Сашка устроился рядом и уже сладко посапывал. – Докапывайся на здоровье, кто не дает. Между прочим, как раз за это деньги платят. Ему. А мне за что? Мне в основном за то, чтоб до главного не докопались. А что у нас главное? Главное, чтобы Дед был доволен, а доволен он тогда... Ты зануда, – сказала я и испуганно покосилась на Сашку, но пес не проснулся. Все-таки странно, что Дед поручил мне заняться расследованием этих убийств. Либо просто хотел отвлечь от пьянства, за что ему, конечно, большое спасибо, либо Лялин прав: что-то в нашей богадельне назревает. Я еще не в курсе,

а Дед уже предвидит и на сто ходов вперед просчитывает. – Так-то, Дед, – зевнув во весь рот, сказала я и запретила себе думать об убийствах.

Утро выдалось не то чтобы скверное, но и не порадовало. Серенькие тучки, серенький мир за окном. Роба у меня тоже была какая-то серая. Я скривилась и показала себе язык. Красивее от этого не стала.

– Сашка, подъем! – заорала я во все горло и пошла в ванную. Ни с того ни с сего уставилась в большое зеркало. Критически оглядела себя со всех сторон. Спина прямая, ноги длинные, грудь зашибись, живот плоский. Физиономия малость осунулась, так это фигня. Заскочить к косметологу на пару часов... А если курить в два раза меньше, спать в два раза больше и почаще проводить время на свежем воздухе, мне вообще цены не будет. – Точно-точно, – кивнула я и тут же с досадой подумала: «Чего ж не хватает-то, а? Не в физиономии, вообще. Чего не живу как люди, не радуюсь? У меня квартира в трех уровнях, шикарная тачка, деньги... я даже толком не знаю сколько, но много, мне с моей убогой фантазией ни в жизнь не потратить. Завела бы любовника путного или непутного, без разницы... А то бы в самом деле замуж вышла, уж какой-нибудь дурак нашелся бы, все-таки квартира и тачка, да и я красавица. Дед бы возражать не стал, коли о моем счастье печется. Даже что-то там о детях брякнул, которых бы держал на коленях». Я попробова-

ла представить Деда в этой роли, потом себя матерью семейства с карапузом в коляске... – Не пробирает, – сказала я со вздохом.

Сашка потянул лапой дверь, заглянул в ванную. Зато у меня есть собака, а также светлый ум, отличная работа. Что еще есть? Ах да, новый костюм, сегодня надену. Отчего ж каждое утро удавиться хочется? Я встала под холодный душ, простившись с грешными мыслями, фыркала, охала, стонала и обрела-таки оптимизм. Когда растерлась полотенцем, его во мне было пруд пруди.

Сашка пил молоко из миски, я заварила кофе, поглядывая на часы. Вышла с Сашкой ненадолго погулять, позавтракала и облачилась в новый костюм.

В 10.00, как договаривались, появился Артем. Я распахнула дверь, улыбнулась, а он слегка растерялся, глядя на меня во все глаза. Новый костюм сотворил чудо, плюс холодный душ, прогулка и немного косметики. Синяк на скуле под румянами был не виден. В общем, сегодня я Афродита.

– Проходи, – сказала я.

– Привет, – кашлянув, поздоровался Артем. Выглядел он все еще обалдевшим.

– Пойдем в кухню, там удобней.

– Квартира у тебя... – начал он, оглядываясь. – В смысле, впечатляет. А у меня «хрущоба», трехкомнатная, предки, жена с пацаном и я.

– Искал бы богатую невесту.

– Разве богатая за меня пойдет? На что я ей нужен?

– Тогда взятки бери.

– И взял бы, да никто не дает. Видно, мордой не вышел. –

Он сел на предложенный стул, а я налила ему кофе. – Ты ведь в убойном отделе работала? – спросил он. Вопросы, касаемые моей жизни, я не особо приветствовала.

– Всего год. Потом Дед предложил работать на него. Он старый друг моего отца. Когда отец умер, я даже переехала к нему. – Я наблюдала за Артемом – ничего похожего на иронию, кивнул, точно соглашаясь. Неужто слухи до него не дошли? Вряд ли. Может, парень великий притворщик, с такими ухо следует держать остро. – Съешь чего-нибудь? – предложила я.

– Спасибо. Успел позавтракать. – Он потянулся к папке, которую принес с собой, и выложил ее содержимое на стол: бумаги, несколько фотографий. – Сегодня пришла телефонограмма. Серафимович Вероника Павловна, паспортные данные... Так, в Красноярске проживала всего полгода, переехала из Бодайбо. В Красноярске у нее жила мать и сестра матери, то есть Серафимович она тетка, – сделал он ценное замечание. – Тетка умерла год назад, мать в апреле этого года. Квартира приватизирована на Серафимович, вот она и переехала. Соседи отзываются о ней положительно. Жила одна, тихо. Работала на рынке. В общем, ничего такого.

– И зачем она из Красноярска сюда явилась, неизвестно? – Артем кивнул. – На рынке больших денег не заработа-

ешь, если торгуешь колбасой или тряпками. Причина должна быть серьезная.

– Неужели вправду придется туда тащиться? – нахмурился Вешняков. – Сколько в одну сторону самолетом?

– Долго. Часов шесть, не меньше. И билет стоит денег. Она ведь самолетом прилетела?

– Да. Это установлено. Прилетела в Москву и в тот же день поездом к нам.

– Вот-вот. Деньги заплатила немалые для того, чтобы оказаться в универмаге и найти там свою смерть.

– Да я понимаю, – вздохнул Вешняков. – Ясно, что не просто так она сюда приехала. Было у нее здесь дело. Или близкий человек.

– Не узнали, где она провела ночь?

– Нет. Однозначно не в гостинице и не на вокзале, всех опросили, все проверили. По телевидению фото показывали. Никто ничего.

– Пусть еще раз фотографию покажут, а заодно и фотографию Ивановой, которую вчера зарезали.

– Зачем?

– Вдруг кто-то из посетителей их видел вместе...

– У тебя есть версия? – нахмурившись, спросил Артем.

– Нет. Я просто хочу собрать побольше информации об убитых.

– А если это все-таки маньяк, а мы тратим время на всякую ерунду?

– Тогда он убьет еще кого-то, – пожалала я плечами.

Ближе к обеду поехали в универмаг «Центральный». Идея была моей. У Артема она энтузиазма не вызвала, но возражать он не стал. Сашка собрался со мной, но я сказала:

– Останешься дома.

Пес завалился на бок, вытянул лапы и страдальчески закрыл глаза.

– Надо же, – усмехнулся Артем, наблюдая за его выкрутасами. – Возьми, жалко собаку.

– Он не подходит к моему новому костюму.

Вешняков только фыркнул.

– К нему и я не подхожу. Больших денег стоит?

– Еще бы.

– В джинсах ты мне нравишься больше.

Выяснилось, что ко мне он прибыл на своих двоих. Моя машина еще вчера произвела на него впечатление, так что на этот раз высказываться он не стал.

Универмаг выглядел непривычно пустынным. По первому этажу бродили несколько человек, на втором и того меньше. Отдел одежды был закрыт. Сквозь стеклянную дверь с табличкой «У нас учет» я увидела двух женщин с грустными лицами, постучала. Одна из них подошла, открыла дверь и ворчливо поинтересовалась:

– Вы что, читать не умеете?

Артем предъявил удостоверение, дама тяжело вздохнула.

На вид ей было лет сорок, высокая, дородная, с быстрым цепким взглядом, в ушах серьги с бриллиантами.

– Я хозяйка, – коротко сообщила она. – Арендную здесь помещение. Векслер Эмма Григорьевна.

Вторая женщина, помоложе, настороженно прислушивалась. На ней была куртка, в руке дамская сумочка.

– Это Ася, – кивнула на нее Эмма Григорьевна. – Вчера была ее смена. Это она... труп обнаружила.

– Не работаете? – спросил Артем, оглядываясь.

– Какая работа? Видите, что творится? В городе только и разговоров... И почему обязательно у нас? Одно слово: не везет.

– Сегодня опять ваша смена? – обратилась я к Асе.

– Нет. Я только что из милиции. Вызывали. Зашла с Эммой Григорьевной поговорить. И вообще... узнать.

– Иванова давно у вас работала?

– Три года.

– Хорошо ее знали?

– Ну... как... по душам не разговаривали, если вы об этом. Мне она нравилась, ответственная, детей нет, значит, нет и больничных. Никаких претензий.

– Замужем?

– Да. Муж шофером работает, тут недалеко, в строительной фирме.

– Между собой ладили?

– Вы что хотите сказать, это муж ее убил? – неожиданно

вклинилась в разговор Ася.

– А было за что? – спросила я. Женщины переглянулись.

– Давайте как на духу, – вздохнул Артем. – Нам сейчас все очень важно.

– У нее любовник был, – после паузы неохотно заговорила Ася. – Кто, не спрашивайте, не знаю. Она о нем не рассказывала.

– Тогда откуда знаете?

– Ну... звонить бегала часто. Придет довольная, глаза горят.

– Так, может, мужу звонила?

– Скажете тоже, – фыркнула девушка. – Муж у нее прилично зарабатывает, а квартира – сарай сараем, сто лет ремонт не делали. Мебель – рухлядь. Детей не хотела. Зато каждый месяц то шубу купит, то сережки. Ясно, на сторону намылилась. Квартиру, мебель делить надо, а с барахлом проще.

– И ни разу ни словечком не обмолвилась?

– Да я ее как-то прямо спросила: чего, говорю, все носишься, хахаля, что ли, завела? Она так окрысилась. Я уж и не рада была.

– На прошлой неделе она с работы отпрашивалась, – кашлянув, сказала Эмма Григорьевна. – К зубному врачу. Я отпустила. Ушла на три часа. Как раз муж приехал. Очень удивился, ничего, говорит, про врача не знаю.

– Значит, у Елены Петровны были секреты. А сюда к ней

никто не заходил?

– Ну... заглядывали знакомые. Правда, редко. У нас строго, болтать особо некогда, работа всегда найдется, – ответила Ася, косясь на хозяйку.

– И вчера никто не заходил?

– Да из меня уже всю душу этими вопросами вытянули. И вчера, и сегодня в милиции. Не заходил. Нервная она вчера была, это точно. И вроде как не в себе. Я спросила: чего, мол, с тобой такое, а она: «С мужем разругались». Может, приревновал? И звонить бегала, раз пять. Я почему ее не хватилась, думала, опять усвистала.

– Подождите, она что, уходила, вас не предупредив?

– Обычно предупреждала. А тут народу набралось, потом я чек пробивала, бабка решила, что я сдачу неправильно сдала. В общем, я была занята и на Лену внимания не обратила. Думаю, может, сказала, что выйдет, да я не слышала.

– А покупателей, говорите, было много?

– У нас то много, то нет никого. Я ведь не знаю, когда ее... когда это точно случилось. Только вижу, нет Ленки. Тут опять покупатели, а третья кабинка все зашторена. Странно, думаю, при мне туда никто не заходил. Подошла, простите, говорю... Никто не отвечает, штору отдернула, а там Лена... ужас какой-то... – Девушка вздохнула и отвернулась.

– А когда Лена отпрашивалась к зубному?

– В прошлый понедельник.

Артем счел своим долгом тоже задать несколько вопро-

сов, но они мне особо интересными не показались. Я посто-
яла в кабинке, оглядываясь, а потом, отдернув штору, про-
шла в соседний отдел.

– Вы что там? – раздался разгневанный окрик, и я увиде-
ла даму лет пятидесяти. Она стояла напротив, точно прики-
дывая, то ли броситься на меня и разорвать в клочья, то ли
упасть в обморок.

– Я из милиции, – ошастливила я ее и в доказательство
предъявила удостоверение. – Вы всегда такую бдительность
проявляете? – широко улыбнулась я, стараясь, чтобы в моем
голосе не было и намека на иронию.

– Со вчерашнего дня, – ответила дама ворчливо.

– Вчера ваша смена была?

– Ага. По два дня работаем.

– Знаю, что вас уже расспрашивали...

– Еще как. Вчера я малость не в себе была, а ночью точно
в бок толкнули, проснулась и про парня вспомнила.

– Про какого парня? – насторожилась я.

– Парень здесь был. Лет тридцати на вид. Такой, знаете,
незаметный совсем, внимания не обратишь. Серенький весь
какой-то. А потом я деньги менять пошла, к Васильевне, это
тут недалеко, а он мне навстречу. Смотрю, а парень-то кра-
сивый... Ну, не красивый, как бы сказать... такого не про-
пустишь.

Женщина вдруг покраснела и отвела глаза. Подошедший
Артем посмотрел на нас с недоумением.

– И что этот парень?

– Ничего, – отмахнулась женщина и посмотрела на меня так, точно искала защиты.

– Вы имеете в виду, что, находясь в вашем отделе, он очень не хотел обращать на себя внимание?

– Да-да, – кивнула она. – Мне кажется, он здесь и ростом меньше был, да и вообще...

– А вы не могли обознаться? Вдруг вы встретили другого человека?

– Нет. Он. Объяснить не могу, но знаю. Он.

– В какое время он был в вашем отделе?

– Значит, так... Я его здесь заметила, женщина как раз куртку мерила, она стала расплачиваться, а у меня сдачи нет. Я побежала к Васильевне тысячу менять, вернулась, а здесь уже дурдом начался. Ленку нашли.

– А этот парень в примерочную заходил?

– Нет. Не знаю. Видела его вот здесь, напротив кассы, глазами встретились, еще подумала, что не заметила, как он вошел. И тут эта женщина с курткой.

– Все-таки почему вы обратили на него внимание? – нахмурился Артем.

– Да не знаю я, – ответила она с досадой. – Здесь-то я никакого внимания на него не обращала, а в коридоре... Странно это, то серенький какой-то и вдруг...

– Что – вдруг? – не унимался Вешняков.

– Не могу объяснить... Мужик, одним словом.

– Она на мужиках помешана, – неслышно подойдя вплотную ко мне, шепнула ее коллега. Все это время девушка стояла за кассой, не сказав ни слова. – И с этим с утра допекла. – Девушка сморщила мордашку и добавила со знанием дела: – Климакс, наверное.

– А вы хорошо его запомнили? – обратилась я к той, что постарше. – Сможете описать?

Женщина с готовностью кивнула. Но лишь только дело дошло до описаний, выяснилось, что ничего конкретного рассказать она не может. Парень высокий, хотя здесь казался маленьким. Блондин или брюнет, не знает, на нем была кепка. Лицо... лицо в общем-то обычное. Вот глаза... когда в коридоре встретилась, подумала: смотрит так, точно гвозди заколачивает. Артем погрустнел и взирал на меня с недоумением. Однако я настояла, чтобы женщину отправили в милицию составить фоторобот.

– Пустое дело, – выговаривал мне Вешняков, когда мы направились к секции дамского белья. – Это все ее выдумки. То маленький и вдруг – высокий. Телевизор смотрят сутки напролет, потом фантазируют.

– В любом случае мы обязаны проверить, ведь он был здесь приблизительно в момент убийства.

– Вилами на воде...

– Точно. Но других зацепок все равно нет.

В отдел женского белья Артем вошел так, точно собирался закрыть грудью вражеский дзот. Показал двум скучающим

девушкам удостоверение, и мы с ними немного побеседовали. Выяснилось, что обычно девушки работают по двое. За клиентами, что берут дорогое белье, присматривают, в том смысле, что надолго их без внимания не оставляют. Когда по одной работают, а такое случается, то, конечно, сложнее. В день убийства девушка работала одна, у коллеги заболела мать, и она уехала на три дня. Тот факт, что через примерочную можно пройти в секцию спорттоваров, их не очень тревожил, воруют больше с вешалок. Сунут в карман трусы, и не заметишь, а они по пятьдесят баксов. К тому же с девочками из спорттоваров есть договоренность приглядывать за кабинкой. Если вдруг выходит женщина, которая в секции вещь на примерку не брала, значит, просто зовут продавца из соседнего отдела. Но за два года таких случаев было раз-два и обчелся.

Артем принялся выпрашивать их о парне, который вертелся здесь в день убийства, но ничего нового девушки сообщить не могли. Я направилась в соседний отдел спорттоваров, где была не очень-то приветливо встречена. Отдел закрыт на учет, и две девушки во главе с хозяйкой были слишком заняты. Односложные ответы и хмурые взгляды. У меня ушло минут пятнадцать на то, чтобы разговорить их.

Если честно, я уже хотела уйти, но упрямство пересилило, и старания мои были вознаграждены.

– А знаете, – вдруг сказала Лиля, одна из продавщиц, – в тот день к нам Лена приходила, та, которую вчера убили.

– В этом было что-то необычное? – спросила я.

– Что? А... нет, в общем-то нет. Хотя мы едва знакомы, и я даже не знала точно, как ее зовут.

– Вы расскажите поподробнее, зачем она приходила, – попросила я.

– Рассказывать-то нечего. Юлька мужику помогала беговую дорожку до машины тащить. Грузчика не было, а клиента упускать не хотелось. А я здесь. Вот тогда и Лена подошла, в лицо-то я ее знала. Расспрашивала про шорты антицеллюлитные. А у меня запарка, я вполуха слушаю и между делом отвечаю, она, видно, обиделась и, не договорив, пошла. Мне неудобно стало, я извинилась, она плечами пожала, мол, ничего, дело понятное.

– Больше не заглядывала?

– Нет.

– А к примерочной она не подходила?

– Зачем? Она рядом со мной стояла, вот здесь, возле кассы.

С этого места отлично просматривался весь отдел, а главное, вход в примерочную. Что-то вроде смутной догадки шевельнулось во мне.

– А уже после убийства вы с ней не разговаривали?

– Нет, мы даже не виделись. То есть, может, виделись, но я не помню. Мне еще показалось, что она на парня как-то странно посмотрела.

– На какого парня?

– Просто парень, выходил из отдела, а она уже пошла. Я как раз извиняться стала за то, что мало ей внимания уделила.

– По-вашему, они были знакомы?

– Вряд ли. Тогда бы поздоровались. Вроде она удивилась, его увидев, или еще чего... не знаю. Если честно, теперь нам все кажется подозрительным. Два убийства за неделю, и все в этих дурацких кабинках.

– Не скажете, за сколько примерно минут до убийства она была здесь?

– Да минут за десять до того, как эту женщину нашли. Может, даже меньше.

– Подождите, но в протоколах...

– Да я с перепугу про Лену просто забыла... У нас здесь такое творилось... А вспомнила только вчера, когда узнала, что ее...

Артем перевел взгляд с меня на девушку и резко вмешался:

– Парня запомнили?

– Нет, конечно. Куртка вроде серая... широкоплечий. Похоже, что спортсмен.

– В кепке?

– Нет. Волосы, кажется, темные... Сейчас и не вспомню.

Я вернулась в отдел белья и задала девушкам вопрос, который меня теперь очень интересовал:

– В день, когда здесь произошло первое убийство, Ивано-

ва к вам не заходила?

Девушки переглянулись.

– Та, которую вчера...

– Да-да.

– А ведь точно, – с удивлением отозвалась одна из продавщиц. – Я ведь ее видела почти перед самым... перед тем, как труп обнаружить.

– Она заходила в ваш отдел?

– Нет. Шла мимо и к нам заглянула, а убитая как раз входила в примерочную.

– И что Лена?

– Да я видела ее одно мгновение. Просто заглянула и пошла дальше.

– Не похоже было, что она кого-то ищет?

– Нет. И врать не буду. Просто шел человек мимо...

Через полчаса мы сидели с Артемом в кафетерии на первом этаже универмага. Артем выглядел слегка удрученным.

– Похоже, маньяком и не пахнет.

– Похоже, – кивнула я. – И меня это ничуть не огорчает. Терпеть не могу маньяков, с ними намучаешься.

– Что у нас выходит, – прихлебывая кофе, начал Вешняков. – Два убийства, и в обоих случаях женщины обращают внимание на парня. И, похоже, на одного и того же парня. Правда, никто из них не может утверждать, что видел его вблизи примерочной.

– На самом деле у нас три парня, – усмехнулась я. – Пер-

вый – тип с тяжелым взглядом, парень, покупавший женское белье, и тот, на кого обратила внимание погибшая Лена. В версию о маньяке все это премиленько укладывается. Бродит псих по универмагу, заметив, что женщина уединилась в кабинке, подкрадывается и... Что там с орудием убийства?

– Использовали разное оружие.

– Интересно, – задумалась я.

– Ты считаешь, что все эти три парня, которых заметили женщины, на самом деле один и тот же человек?

– Почти уверена в отношении двоих, хотя и третий... Появление Лены в день первого убийства в отделе спорттоваров многое меняет. Разве нет?

– Понимаю, о чем ты, – кивнул Артем. – Некто по неизвестной нам причине решает убить Веронику Серафимович, следует за ней в универмаг и, когда она оказывается в примерочной, подкрадывается со стороны отдела спорттоваров. Предварительно он, возможно, заглядывал в отдел, покупал трусики, чтобы иметь возможность оглядеться.

– Вряд ли, – пресекла я полет его фантазии. – То есть, конечно, мог, но лишь в том случае, если точно знал, что Вероника зайдет туда и будет что-то примерять.

– Другими словами, парень был с ней знаком? А что? К кому-то она приехала. Вдруг он не обрадовался ее появлению, вот и решил избавиться от нее раз и навсегда.

– Американская трагедия, – пробормотала я.

– Что?

– Книжку читала в детстве... Женщина не была беременна?

– Нет.

– Угу.

– Что – угу? Дальше слушать будешь?

– Я слушаю, слушаю.

– Итак, он ее убил, но рядом оказалась Лена. Возможно, она видела, как он выходил из примерочной. С того места, где она стояла, все отлично видно.

– Тогда почему она ничего не сказала милиции?

– Всем задавали стандартные вопросы, и девчонка-продавец из спорттоваров забыла, что Иванова в тот день подходила к ней, вспомнила только после ее убийства. Специально ее никто не допрашивал, раз работает она в другом отделе. Она про парня могла и забыть.

– Но потом вспомнила.

– Или, к примеру, встретила. Оттого и нервничала в тот день.

– А парень, сообразив, что к чему, выждав момент, убивает опасного свидетеля.

– Вот именно. Все логично, и никаких маньяков.

Артем был очень доволен и даже не скрывал этого. Мне же в этой кажущейся простоте виделось предупреждение. Просто явиться в универмаг, где неделю назад ты совершил убийство, совсем нелегко, а чтобы убить девушку в отделе, где она работает, мгновенно соориентироваться, да еще но-

сидеть при себе финку или что там у него было... Скорее он готовился заранее. И не было их случайной встречи, хотя, возможно, и была, но не в тот день.

– Поговори с девчонками из другой смены, – сказала я, не заметив, как принялась за третью чашку кофе. – Почти уверена, парень был здесь накануне. Приглядывался.

– Хорошо, – кивнул Артем. Теперь в его голосе слышалось гораздо больше энтузиазма, чем утром на моей кухне.

Простившись с Артемом, я отправилась домой, памятуя о том, что Сашка сидит в одиночестве, а он это страсть как не любит, однако, пораскинув мозгами, на светофоре я свернула и двинула в противоположном направлении. Вскоре я тормозила возле пятиэтажного здания с колоннами. Прежде чем являться на глаза Деду, следовало позвонить ему, но я этого не сделала, надеясь, что для меня он все-таки выкроит пару минут.

В приемной тосковали человек пять, все мужчины. Ритка восседала за своим столом с видом полновластного правителя. Увидев меня, она улыбнулась, но улыбка почти сразу сползла с ее лица.

– Ты чего? – шепотом спросила она, лишь только я приблизилась.

– Хочу увидеться с венценосной особой, – мило улыбнулась я.

– Зачем?

– Да иди ты к черту.

Она и не подумала обижаться.

– Дед сказал, что ты расстроилась из-за дурацкой статьи, оттого и написала заявление. Велел забыть. Я и забыла. Так что если ты опять что-нибудь напишешь...

– Не напишу. Мне с ним поговорить надо. Пять минут.

– А по телефону нельзя?

– Мне важно видеть его глаза.

– С ума сойдешь с вами. – Она поднялась из-за стола и направилась в кабинет. Вернулась она очень быстро. – Сейчас освободится, – сказала шепотом. – Вы правда помирились?

– Помирились. Я вновь на боевом посту. Заступила со вчерашнего дня, так что мое увольнение длилось недолго.

– Я этому очень рада. Ты единственный нормальный человек в нашем гадюшнике. – Ритка никогда меня не стеснялась и время от времени высказывалась вполне откровенно.

Дверь кабинета открылась, появился тучный мужчина с угрюмым выражением на потной физиономии, а Ритка кивнула мне.

Дед сидел за столом и по обыкновению просматривал какие-то бумаги.

– Что у тебя? – спросил он без всякого намека на любезность.

– Хотела тебя увидеть.

Он поднял голову и несколько секунд смотрел на меня, точно прицениваясь.

– Только и всего?

– Могу уйти, – пожалала я плечами и даже приподнялась с кресла, на котором уже успела устроиться.

– Сиди, – махнул он рукой. – Если бы я не знал тебя слишком хорошо, мог бы решить, что... – Тут он малость притормозил, усмехнулся и закончил: – Что ты говоришь правду.

– По-твоему, я только и делаю, что вру?

– Детка, у меня работы по горло. Если хочешь, заеду вечером, и поговорим.

– И на ночь останешься? – не удержалась я.

– Останусь на всю жизнь, – ответил он спокойно. – Только вряд ли тебя это обрадует. Угадал?

– Извини, – потеряла я переносицу, – настроение скверное.

– Жалеешь о том, что произошло между нами?

Было странно, что он заговорил об этом.

– Нет, – немного подумав, ответила я. – А ты?

– Про меня ты все знаешь. – Он тяжело вздохнул. – Ну так зачем приехала?

– Сказать, ты напрасно решил, что мне нечем себя занять.

– Не понял.

– Эти убийства в универмаге.

– А... маньяк.

– Ничего похожего. Думаю, менты прекрасно справятся и мое присутствие там ни к чему. Оно их только раздражает. Для нас, – я подчеркнула слово «нас», – это дело ничем не интересно.

– Ты абсолютно уверена, что о маньяке и речи нет?

– Абсолютно уверен может быть лишь господь, он читает в наших душах, как в открытой книге.

– Отлично. Вот когда ты будешь уверена абсолютно... А до тех пор ты лично отвечаешь за расследование.

– Хорошо, – пожалала я плечами, теряясь в догадках, и направилась к двери.

– Детка, – позвал он, я повернулась, изобразив лицом и позой пристальное внимание. Он поднялся, подошел и потечески поцеловал меня в лоб. – Увидимся, – сказал он тихо. Я кивнула и удалилась, прикидывая, что сие значит. Не прощальный поцелуй, с этим-то как раз все в порядке: Дед в очередной раз проявил заботу о моем душевном комфорте, боялся, что я впаду в депрессию после не очень ласкового приема, оттого и подскочил с поцелуями. Недоумение относилось к его упорному желанию заставить меня тратить время на эти убийства. Прикидывая и так и эдак, я пришла к убеждению, что это всего лишь упрямство. Он велел мне ими заняться, чтобы у меня оставалось меньше времени на выпивку, а теперь не желал в этом признаться. «Мое рабочее время всецело принадлежит ему, – мудро рассудила я. – Скажет: расследовать, расследую, скажет: яму копать, пожалуйста».

Ритка догнала меня в коридоре с кипой каких-то бумаг в руках.

– Что там с убийствами? – спросила она хмуро. – Неужели маньяк?

– Не похоже.

– Слава богу... А почему он тогда поручил тебе...

– Вот над этим я голову и ломаю.

– Ну-ну, – пробормотала она и, простившись, исчезла за соседней дверью.

Положительно, в этих убийствах что-то есть... что-то должно быть. Не то чтобы я от природы была недоверчива, скорее напротив, но долгое общение с сильными мира обострило мое чутье. Везде мне виделась заговоры, интриги и прочее, что совершенно не к лицу юной девушке вроде меня.

– Людям надо верить, – глубокомысленно изрекла я, направляясь к машине. По мобильному позвонила Артему и еще раз напомнила, чтобы фотографии убитых женщин показали в вечерних новостях, причем вместе. Он заверил, что лично проконтролирует это, и печальным голосом сообщил:

– Кажется, наша версия летит к чертям. Передо мной акт вскрытия Елены Ивановой. Ее убийца – левша. Совершенно точно. Судя по характерным... в общем, никакой ошибки. Семеныч так и сказал: «Чтоб мне больше рюмки не выпить», он за базар отвечает, а выпить для него – первое дело.

– Значит, левша? – пригорюнилась я.

– Точно. А первое убийство совершил человек нормальный... В смысле, с руками проблем не было.

– Но если убийства совершили два разных человека, о ма-
ньяке речи нет. Уже хорошо. Можно успокоить обществен-

ность.

– Успокоить вряд ли. Тебе не кажется, что все еще больше запуталось?

– А я крещусь, когда кажется. Завтра навестим мужа убитой, может, что и накопаем.

– С ним уже говорили. Мужик, кстати, в шоке.

– Ну, подождем, когда малость оклемается.

Мое высказывание Артему не понравилось, он сухо простился, а я отключилась.

Сашка демонстрировал мне нешуточную обиду. Я быстро приготовила ужин и устроилась перед телевизором, дабы лично убедиться, что фотографии убиенных появятся в новостях. Вешняков слов на ветер не бросал, и это меня порадовало.

Часы показывали девять, я прикинула, чем бы себя занять, а то и с Сашкой не поболтаешь, раз он дуется.

– Пес, давай дружить, – начала приставать я, горюя. Если б не дурацкая Дедова угроза, могла бы отправиться в увеселительное заведение, себя показать, других посмотреть. – Ох, горе горькое! – возопила я. Точно в ответ на мои сетования раздался телефонный звонок.

Я насторожилась, что, если это Дед? В то, что он решит ко мне переселиться, мне особо не верилось, но и частые гостевания тоже ни к чему. Привыкнет, потом не отвadiшь.

Я сняла трубку и с облегчением услышала голос Спартака, то есть Коли.

– Не помешал? – спросил он.

– Чему, интересно?

– Мало ли. Надо бы встретиться.

– Ты на работе?

– Забыла, какой сегодня день недели? У меня выходной.

Я мог бы к тебе приехать. Но если тебе неудобно...

– Брось. Я тебя жду.

Он приехал минут через пятнадцать. В окно я видела, как возле ворот моего гаража остановилась потрепанная «девятка», а через некоторое время в дверь позвонили.

– Открыто! – гаркнула я, находясь на кухне. Коля тщательно закрыл за собой дверь и, заглянув в кухню, покачал головой.

– Ты с ума сошла. В наше время только психи держат дверь открытой.

– Не открытой, а незапертой. Я ждала тебя.

– И все же...

– Ты мне напомнил одного моего друга. Он все собирался поставить здесь настоящую дверь с настоящими замками.

– И что помешало?

– Его ранняя кончина.

– Ты мне никогда не рассказывала о своем друге.

– И не буду. Он этого не заслуживает. Могу тебя накормить.

– Давай, – с готовностью согласился он, устраиваясь за столом. Появился Сашка и демонстративно улегся у его

ног. – Поссорились?

– Не обращай внимания. Чему обязана визитом? Успел соскучиться?

– Тебя ведь интересовал один дядя.

– Так.

– Мне повезло.

– Ух ты...

– Да я и сам просто обалдел. Короче, разговариваю со своим знакомым, он, как бы это помягче... в общем, все городские гомики ему хорошо известны. Когда я назвал фамилию Дидонова, он насторожился, а потом и вовсе говорить на эту тему не захотел. Пришлось напомнить, что он мне кое-чем обязан. Напоминал я минут пятнадцать, не меньше, он притомился и стал сговорчивее. Слушай дальше. У этого типа спортивный клуб на улице Бабеля, сауна, все как положено. А еще теннис. Инструктора молодые ребята, в теннис хорошо играет только половина из них. Объяснять, в чем дело, надеюсь, тебе не надо.

– То есть кто-то действительно играет в теннис, а...

– А для кого-то это хорошее прикрытие. К примеру, к нам далеко не все решаются заглянуть. А здесь все пристойно, никакого тебе стриптиза, только спорт, здоровый образ жизни. Попасть туда можно по рекомендации, хотя, конечно, заплатишь бабки – и носись с ракеткой в свое удовольствие.

– Но в этом случае тренер будет настоящий, – кивнула я.

– Вот-вот. Дидонов появился в клубе недавно. По реко-

мендации. Тренером у него паренек лет двадцати, подающий большие надежды. Не смотри так, это не мои слова. Пока у них до близости дело не дошло, тип, что мне это рассказывал, такие вещи отслеживает.

– Еще бы, ему, поди, процент за сводничество полагается.

– Конечно. Так вот, они не любовники, но все неудержимо катится к этому. Дидонов все еще не рискует сделать решительный шаг. Но чувствуется, что на парня он запал по настоящему. Тот дурачком прикидывается, цену себе набивает, но если бы он дал понять... Короче, скажи мне, что ты хочешь, и ты это получишь.

– Подожди, но парнишка... как его зовут?

– Миша.

– Миша, возможно, не придет в восторг от наших намерений.

– Мне на его восторги... Так что тебе надо?

– Всего лишь пару фотографий, – развела я руками. – Чтобы сукин сын был у меня на крючке и откровенно ответил на несколько вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.